

18+

Арья Виш

*Время
посмотреть
вверх*

Сборник рассказов

Арья Виш
Время посмотреть вверх.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69435700

ISBN 9785006027978

Аннотация

Перед вами сборник рассказов, который поможет найти время для себя. Сесть, прочитать пару рассказов за чашкой чая и отдохнуть. Улыбнуться героям, поплакать над горем, а, может, и узнать себя. Здесь собрано всё – от света надежды до алеющего заката тьмы, где может спрятаться все что угодно. А главное – здесь есть кусочек неба – время посмотреть вверх и окунуться в его синеву.

Содержание

Дорога в Сибири	6
Что нужно для вдохновения?	15
Глупый кролик	17
Космос внутри	21
Вышедшие из глубины	28
Браслет желаний	30
Найденыш	34
Звонок	36
Неподходящий наряд	41
Человек – это истина, которая умирает	44
Небо	46
Звон	51
И небо обрушится на нас...	54
Духи над водой	56
Хранитель Леса	60
Хранитель Города	64
Хранитель Ночи	67
Хранитель Воды	71
Девочка-колокольчик	74
Dead-мороз	77
Кружевница	81
Девочка с ключиком	82
Тримай	89

Наоборот	91
Его звали Охохо	93
Живые мертвецы	96
Чудо нужно всем	100
Падающая звезда	102
Демоница и Рай	108
Память	111
Ох, Париж...	113
Совершенное творение	120
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Время посмотреть вверх

Сборник рассказов

Арья Виш

Обложка Изображение от coolvector на Freepik

© Арья Виш, 2023

ISBN 978-5-0060-2797-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорога в Сибири

– Да почти пришли! – Витька отводит рукой еловую ветвь и приглашающе машет нам. – Сюда давайте, здесь встанем. А там до путей рукой подать.

Летняя Сибирь прекрасна. Желтым цветом мелькает сена, выглядывая из лиловых зарослей узколистного кипрея. Больше всего мне нравятся зеленые листики клюквы и тривиальные одуванчики. Из первых можно заварить чай, а последние пустить на яркий солнечный веночек, чем я, собственно, и занимаюсь большую часть дороги.

Мы приехали в гости к Витьку в середине лета. Так сложилось, что из всей нашей студенческой компашки он жил дальше всех, и к нему мы решили ехать в последнюю очередь. Не обижать же друга? Впрочем, он и сам прекрасно понимал, что лишний раз в глушь, как он сам говорил, никто тащиться не хочет.

Салехард встретил нас вполне цивилично, так что мы расслабились, покутили пару недель, а потому легко согласились на приключение – поход.

Из нас всех в него только Витька и ходил, но сидеть в городе было скучно, а друг манил нас едой с костра, забываемыми видами и, самое главное, необычной историей. Какой – не признавался до последнего, и лишь сейчас, обустриваясь на небольшой полянке, потихоньку рассказывал:

– С дедом мы часто ходили в лес. Собирали грибы, бруснику, иногда просто бродили целыми днями, изучая все подряд. Дед у меня был тот еще сказочник, так что историй знал вагон и маленькую тележку, – друг улыбается. – А так как память у него была плохая, то они часто повторялись.

Девчонки прыскают от смеха, прячут улыбки в отвороте рубашек, надетых в качестве защиты от комарья. Витька тот еще шутник, да и язык у него хорошо подвешен, так что мы слушаем его истории и параллельно режем овощи на суп. Парни ставят палатку, а наш сказочник возится возле нас с костром.

– Так что я знаю множество историй о таинственных лесах, о полянах миражах с брусникой, о зайце-пограничнике. А еще о заброшенной железной дороге, – он принимает дуть на тлеющий огонек и на некоторое время прерывается. – К ней мы и пришли.

– А она точно не выдумка, как и другие истории деда? – ехидничает Света. – Ты ее видел?

– Видел, видел, – Витя аккуратно подкладывает веточки в костер, перемежая их с сосновыми иголками. От этого пламя вспыхивает ярче и принимается за дровишки побольше. – Вы и сами скоро увидите, как с этим всем закончим.

– Ну смотри не обмани! – щуриться Светка и смеется. Мы подхватываем ее смех, потому что знаем, нам и без железной дороги хорошо.

Лес вокруг, костер, одуряющий запах трав – все это уже

прекрасно само по себе и тянет на отдельное приключение. Тем более что и у Вити, как и у его деда, точно найдется тысяча и одна интересных историй для вечерних посиделок у костра.

Совершенно по-ребячьи показав нам язык, друг встает, поскольку костер уже разгорелся, и идет помогать ребятам с палаткой. Мы же дружным женским кружком продолжаем шушукаться и крошить продукты дальше. Каждая женщина знает, что мужчину нужно сначала накормить, а потом расспрашивать.

После позднего обеда мы, наконец, идем к путям. Около палатки остаётся Андрей, с которым Витя обещает сходить отдельно. Мы идем совсем недолго, буквально минут пять. Лес обрывается внезапно, раскалываясь надвое железной дорогой. По крайней мере, так кажется сначала. Приглядевшись, мы видим и зелень между деревянных шпал, и ростки берез, и мох, причудливым узором покрывающий некогда блестящие рельсы.

– Самая масштабная из брошенных железных дорог России – Салехард-Игарка. Её начали строить аж в 1949 году: магистраль через север Западной Сибири должна была обеспечивать быструю переброску войск «в случае необходимости», – рассказывает Витька, прислонившись к ближайшей сосне и в задумчивости теребя травинку в пальцах. – Построить нужно было быстро, но вечная мерзлота не «признавала» быстрых изменений, поэтому над работа-

гами сжалились и темпы снизили. В результате к 1953 году проложили 700 километров. Но это Сибирь, детка, и дорога была одной из опаснейших в мире. Переправы над мелкими речками (коих в здесь великое множество) вспучивались на несколько метров ввысь, мосты над большими реками остались недостроенными, талые воды регулярно промывали дыры в полотне, – друг машет рукой, выражая свое отношение к горе-дороге. – Хуже того, большая часть уложенных рельсов была сделана еще при царе! Вы представляете, какие там рельсы были? Ну и крепились они периодически деревянными брусками... – мы дружно охаем, представляя, в каком плачевном состоянии находилась дорога и как по ней ездили поезда. Но друг продолжает:

– Использовать ее было банально страшно и поэтому после смерти Сталина – ее главного сторонника – строительство прекратили. А дорога осталась. Поросла бурьяном и стала местной достопримечательностью.

– Это тебе все дед рассказал? – интересуюсь я.

– Не, – Витя качает головой. – Дед наплел историю о фашистах, которые стоили здесь дорогу в тыл, а я это в инете нашел, да в музее нашем поспрошал.

Девчонки задают еще вопросы, интересуюсь возрастом дороги, а парни пытаются отковырять кусок рельс. Интересно, а почему местные не растащили их на металлолом? Я интересуюсь вслух, на что Витька отвечает:

– У них серийный номер выбит, не продашь. Дед долго

возмущался, тоже наживиться хотел, да не вышло.

Я киваю и перевожу взгляд обратно. Мне отчего-то жаль дорогу. Построенная для военных нужд не в то время и не в том месте, она никогда не видела никаких поездов, кроме спецтехники. А значит, так и не выполнила свое предназначение.

Крутимся возле рельсов еще минут двадцать, а после возвращаемся. Краткий экскурс в историю закончен, можно дальше рассказывать байки и любоваться лесом вокруг. Мы с девчонками собираем букеты, планируя забрать их с собой в город, плетем венки и снова собираемся готовить. Такая походная жизнь – сначала ты идешь куда-то, потом готовишь, ешь и снова идешь.

1

Теплый свет костра, перебор настраиваемой гитары искупают приставучих комаров и настраивают на благодушный лад. Разбившись по парочкам, мы кутаемся в спальники и на перебой предлагаем песню. Впрочем, ночь длинная, мы обязательно успеем спеть все.

Ближе к трем Света с девочками уходят спать, как и Андрей с Антоном, оставляя меня и Витю у костра. Мы переглядываемся и тоже двигаемся в сторону палаток, потому

¹ Изображение от Rochak Shukla на Freepik

что завтра идти обратно, а петь уже болит горло.

Впрочем, мне не спится. Это я понимаю, свернувшись под боком у Светы. Я, совершенно городской человек, не могу уснуть в лесной тиши, не слыша ни шума проезжающих машин, ни соседей за стеной. Пролежав минут двадцать и осознав всю бесполезность этой затеи, я выбираюсь из палатки и иду к железной дороге. Та, отчего-то засела в моих мыслях и никак не отпускает.

На полпути меня окликают громким шепотом, я вздрагиваю, но послушно замираю. Витька догоняет, спрашивает, чего мне не спится, но на мою просьбу проводить к рельсам, лишь вздыхает и, подхватив под локоть, послушно ведет к ним. Прекрасный друг.

Мы устраиваемся под той же сосной, где были днем. Я набрасываю край спальника на плечо парня и усаживаюсь поближе. Не сговариваясь, выключаем фонари и замираем, погружаясь каждый в свои думы. Мысль о предназначении дороги крутится в голове, и я озвучиваю ее вслух:

– Тебе её не жалко?

– Кого? – удивленно отвечает Витя.

– Дорогу. По ней же так никто и не проехал нормально.

– Да, нет, – я чувствую, как он пожимает плечами. – По ней слишком опасно было ездить, так что я даже рад, раз ее не использовали.

– А мне обидно, – не соглашаюсь я. – Могли бы хоть чуть-чуть по ней проехать. Ведь ей бы, наверное, очень этого хо-

телось! – мысли в голове отчаянно дурацкие, я чувствую, что они звучат бредово, но уверена в собственной правоте.

Витя хмыкает, приобнимает меня одной рукой и отвечает:

– Но по ней ведь ездили рабочие.

– Это не то, – вздыхаю я. – Это ведь не ее предназначение.

По ней бы людей, солдат перевозить...

Парень молчит, а я все смотрю на дорогу, представляя, как она грустит, и все больше проникаясь к ней жалость. Господи, какие только странные мысли не приходят в голову ночью... Я кладу голову Витьке на плечо, чувствую, как отогреваюсь и потихоньку засыпаю.

– А ты знаешь, – вдруг вздрагивает он. – По ней, наверное, были пробные поездки!

– Правда? – неверяще уточняю я.

– Самая что ни на есть настоящая, – кивает друг. – Надо же было как-то проверить путь. Значит, по ней устраивали пробные ходки.

– Тогда хорошо. Тогда дорога не будет сильно грустить, – сонно шепчу я. – Спасибо.

– Пожалуйста, – я понимаю, что Витя улыбается, но не могу ни возразить, ни возмутиться. В его объятьях удивительно уютно, так что я незаметно для себя проваливаюсь в сон.

В полудреме я чувствую, как меня подхватывают на руки и несут обратно в лагерь. Но все это проходит мимо сознания, потому что я засыпаю, утомленная дорогой и согревшаяся рядом с другим человеком. И во сне я вижу, как поезд

мчится сквозь сибирский лес по новеньким рельсам. В его вагонах горит свет, о чем-то разговаривают люди, а дорога под колесами стелется и поет от радости. И я радуюсь вместе с ней.

Что нужно для вдохновения?

Внутри кота была теплота и парочка вселенных. Все то, что мне нужно. Осталось только придумать, как достать их оттуда. Интересно, какую наживку любят вселенные?

Я попытался приманить их на свет карманных звезд. Ну, знаете, таких, что светятся немного, но ярко. Штучный товар, если попадется что-то годное. А так – одна дешевка.

Кот из угла чихнул на меня космической пылью и отвернулся. Ничего, все мы начинали с простого!

В ход пошли нити незавершенных нот и перья степного ветра. Все хотела сплести из них ловец снов, да руки не доходили. Кот предсказуемо заигрался с клубком и съел парочку нот. Теперь вселенные забавно перекликались между собой, пугая кота до икоты.

Так ему и надо.

На мое злобное хихиканье, он спрятался под диван и вылез лишь на солнечный свет. Вот они – лунные коты, истинные гурманы! Чего только не сделаешь, ради новой вселенной!

Мышь рассвета была отвергнута вместе с криком кометы. Согласна – кричит она ужасно, но интереса ради мог бы и половить за хвост. Мышь обнаружила позже погрызенную. Хм, его заинтересовала мышь или рассвет?

Радужные травы заставили кота полдня летать под потолком.

ком, а звон ручья сердито шипеть на мое фальшивое пение. Слезы дракона – кидаться молниями, смех ветра – раздуться как шар. Кажется, меня возненавидят.

У меня стремительно кончались материалы и идеи. Муза подло свалила к полудню, признав мои попытки выудить из кота вселенную бесполезными. Кот тоже рад бы был уйти, но я не позволила.

На тривиальную валерьянку чихнул и, кажется, обматерил по-кошачьи. Зато вышла теплота и заобнимала. Н-да, не такого эффекта я ждала. Зато согрелась.

Уже поздней ночью, когда я, обессилев, свалилась на кровать, кот устроился на моей груди и заурчал. По привычке запустила руки в мягкую шерсть, как поступила бы с обычной кошкой. Вселенные внутри отозвались мирным рокотом и засверкали ярче.

Я замерла, настигнутая пониманием. Лучшая наживка для вселенной – любовь и свет мечты. Она ведь мерзнет без теплоты и тоже хочет погреться. А что лучше, согревает, чем огонь искреннего мечтания, ярко полыхающий у меня в груди?

Теплота обнимала меня со всех сторон, лунный кот урчал на груди, а из глаз его смотрела на меня целая вселенная.

Глупый кролик

Глупый кролик. Ты ведь совсем не знал мира. Не видел поющей травы и никогда не пил воду из радужного источника. Говорят, они там, за холмом. Мы ведь хотели сходить.

Ты не знал, что колокольчик в её волосах звучал ля-бемолем, а потому так доверчиво пошел к ней на руки. Но ведь все знали, что колокольчик звенит не просто так! Но она гладила шерстку и называла Билли, как я. Тебе нравилось.

Ты перебирал лапками и слушал залиvistый смех. Все, кто слышал его, говорят, что он очень красив. Это так, Билли? Что же ты молчишь?

Она показала луга, полные клевера, сводила на Луну, а ты дал ей потрогать свои мягкие ушки. Ты мне не давал их трогать, Билли! А я ведь тоже умею кое-что, хотя до прогулок на Луну мне далеко.

Глупый кролик. Зачем сбежал? Зачем поддался на зов? Я ведь так много не успела тебе рассказать...

Она говорила, что тебе понравилось у нее дома. И что ты, оказывается, тот еще шутник, хотя я это и так знала. Помнишь, как ты опрокинул миску с салатом прямо на миссис Гарош? То-то смеху было!

Билли, Билли... Твоя мягкая шерстка больше не блестит, и носик больше не шевелится в попытке выманить что-нибудь, какое бы лакомство я ни предлагала.

Она принесла тебя вечером. Тогда я уже сбилась с ног и горько плакала у порога. Колокольчик в ее волосах грустно звенел, когда она отдавала тебя. Ей тоже не хотелось расставаться.

Глупый кролик, ты разве не знал, что с друзьями надо прощаться?

2

Мне так жаль, что твои ушки больше не шевелиться, а носик совсем холодный. Я никак не могу согреть тебя, Билли.

Мама сказала, что она заберет тебя в свой мир, а для этого надо положить тебя в картонную коробку и спрятать в саду.

По-моему, это дурацкая идея, но с мамой не спорят, а колокольчик был согласен с ней. Он все звенел и звенел, пока папа рыл норку для тебя. Знаешь, я положила морковь, чтоб ты мог покушать. И одеяльце, которое ты так любил. Может, ты, наконец, согреешься и снова будешь играть?

А потом ты исчез. Я дважды проверила норку, но тебя в ней не нашла. Она все-таки забрала тебя к себе? Тебе хорошо там?

Где ты, Билли? Я скучаю.

Космос внутри

– Мне нельзя в космос. Я высоты боюсь, – Алекс улыбнулся. – Но мне хватает космоса здесь, – парень коснулся рукой напротив сердца и подмигнул.

– Тогда космос придет к тебе, – пообещала я и вышла из комнаты, тихонько притворив за собой дверь.

Алекс – молодец. Рисует пальцами невообразимые картины, мажет в краске себя, стены, руки и лицо. Его картины уходят с аукциона за тысячи евро. А их автор заканчивает жизнь в психиатрической больнице. Я его первый и, наверное, последний посетитель, которому интересен он сам, а не его творчество.

Хотя, каюсь, картины у него потрясающие. И я, как журналист, должна была спрашивать о них, а не о детстве у этого улыбчивого, рыжего, как самое настоящее солнце, человека. Не спрашивать о вкусах, любимом кофе и индийских сладостях, которые тот безумно любит. Не спрашивать о младшей сестренке и уж точно не обещать ему, что космос сам к нему придет.

У Алекса БАР. Биполярно-аффективное расстройство. Можно принимать лекарства и жить практически нормальной жизнью. Но он сам решил остаться в больнице, чтобы быть наедине со своими картинами. Со своим космосом.

В редакцию нести было нечего. Нет, я собрала немного

информации, но вся она была личная. И мне иррационально не хотелось выставлять ее на всеобщее обозрение. Хотя, где личное и успешный журналист? Господи, начальник меня убьет, если не предоставлю материал. Я вспомнила, как Алекс радостно улыбался мне на прощанье и просил придти еще.

Обойдутся

Мне ожидаемо влетело. Я не узнала ничего о новой картине, не выпытала никаких шокирующих подробностей, не набрала материала даже на одну колонку в журнале. Слишком много «не» сегодня. Ну и плевать.

К Алексу отправили нового журналиста. Кажется, Алексу. Алекс и Алекса. Может, они подружатся на этом фоне? На меня же поворчали, пригрозили и вновь усадили за скучные гороскопы и страничку для мамочек, где вся информация дублировалась из журнала в журнал. Привычно набивая бессмысленный текст, состоящий из советов не волноваться, питаться правильно и доверять мужу, я возвращалась мыслями в ту маленькую комнатенку. Заляпанную красками, такими яркими на белых стенах, такими же яркими, как и их хозяин. Я вспомнила, как солнце подсветило его и так рыжие волосы, превращая их в самое настоящее пламя.

Огненный человек из космоса, который как-то случайно оказался здесь на серой Земле. Это уж явно поинтереснее всего, что я знала. Но больше меня к нему не пустят. Одно

радовало – в моей записной книжке красовался маленький рисунок, нарисованный специально для меня. Дома я аккуратно вырвала листочек, обрезала неровные края и положила под стекло на столе. Вот так. Приобрету для него рамочку потом.

Жизнь снова возвращалась в привычную колею. Встречи, строки написанного текста, разговоры с простыми людьми. Все, что раньше радовало меня, вдруг сделалось скучным, неинтересным. Словно мне перестало хватать красок.

В меланхолии я продолжала рутинную работу, размышляя, где можно купить красок и недорогих кистей. Шеф вызвал меня неожиданно. Усадил в кресло напротив, предложил кофе и, дождавшись, когда я пригублю напиток, ошарашил новостью:

– Алекс снова хочет увидиться с тобой. С Алексой работать отказался. Отправили к нему Дашу, ты знаешь, она хорошо ладит с людьми, но и её кандидатуру отклонил. Ему нужна только ты, – шеф чуть нахмурился. – Чем ты его так зацепила?

– Я не знаю, – удивленно выдала я. Алекс попросил меня прийти? Отказался работать со всеми остальными, даже с Дашей? Ух ты! – Когда я могу к нему прийти?

– Встречу назначили через день. И, Алис! Мне нужен материал, а не как в прошлый раз!

– Да-да, обязательно! – возбужденная перспективой скорой встречи, я торопливо отставила кофе в сторону и под-

скочила в кресле. – Больше он ничего не говорил?

– Сказал, что ждет космос, – откликнулся шеф. – Знаешь, что это значит?

– Да, – я расплылась в улыбке. Пусть мою фразу восприняли, как обещание, но зато это дало мне возможность увидеться с Алексом снова.

Я покачала головой. Надо только придумать, что же принести такого, похожее на космос.

– Мне не скажешь? – вдруг поинтересовался мужчина, тоже улыбаясь.

– Не-а, – я покачала головой и направилась к выходу из кабинета. – Это личное.

Шеф хмыкнул, но промолчал. А я уже летела к своему рабочему месту, собирать вещи, искать маленькое чудо, которое может стать космосом для человека, рисующего его каждый день.

День встречи был солнечным. Ярким. Чистое, голубое небо словно светилось изнутри, напоминая, что где-то там, внутри него прячутся целые созвездья и галактики. Что ж, скоро я увижу их и без телескопа.

Я не ошиблась. Алекс творил. Тихо притворила за собой дверь, оставляя небольшую щель – условие врачей. Но сейчас это было неважно. Не получалось оторвать глаз с рождающейся картины. Мелкие мазки звезд, яркими точками разгорающиеся на темном небосклоне. Краски яркие, живые

лились на меня с холста, вновь раскрашивая жизнь. Глубокий синий, фиолетовый, яркий рыжий. Они переплетались, смешиваясь и рождая новую Вселенную. Та дышала и все норовила вылезти за края холста.

Тихо щелкнув, разгорелся шар, по стенам заплясали маленькие звезды, закружились в хороводе, попадая на картину и на самого Алекса. Я выключила свет, и пока замерший парень вглядывался в звездочки, задернула штору. Комната ухнула в полумрак, расцветивающийся маленькими искрами искусственных звезд. Впрочем, сейчас они казались самыми настоящими. Наконец, Алекс улыбнулся, перевел взгляд на меня.

– Ты сдержала обещание. Космос пришел ко мне.

– Да, – я улыбнулась в ответ. – Окажешь мне ответную услугу?

– Какую? – забавно наклонив голову вбок, поинтересовался парень.

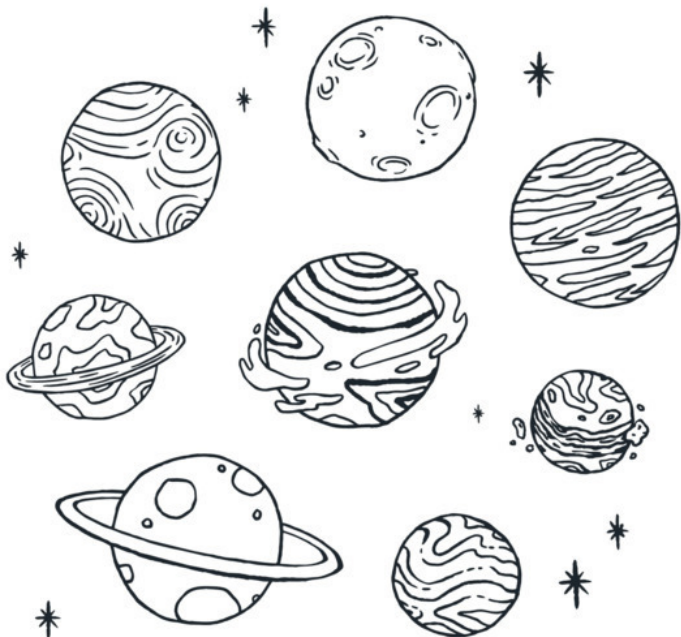
– Я тоже хочу увидеть космос, – замок на сумке сопротивлялся, не давая извлечь на свет краски и кисти.

– Тебе нарисовать?

– Я хочу увидеть свой космос, – ответила я. – Поможешь?

Кисточка выпала из нервно дрожащих рук, и Алекс, наклонившись, поднял и протянул ее мне.

– Обязательно.

Маленький ночник на полу продолжал крутиться, заставляя звезды прыгать по стенам, потолку, картинам и по нам двоим. Космос уже был рядом. Осталось его только нарисовать.

вать.

Вышедшие из глубины

Кап-кап. Шаг, шаг. Стук в дверь. Открой?

Кап-кап.

Это наши мокрые следы ты найдешь на пороге. Мы простояли там долго, ведь нам нечего больше терять. Ну же, не крести зря воздух, это не поможет, ведь нас уже нет здесь. Только ты, и дурманящий страх, который чувствуется за километр.

Как жаль, что днем тебя не достать.

Шаг, шаг.

Мы разбредаемся в темноте. Наши тела отяжелели от воды. Шаг медленный, но верный. Еще никогда мы не уходили без добычи.

Наши глаза давно ослепли и глядят на тебя белыми глазами из провалов окна.

Это мы скребемся по ту сторону стекла и завываем в камин. Пусти нас, пусти! Дай добраться до желанной плоти!

Стук в дверь.

Это мы кричим на разные голоса каждую ночь и просим помощи. Мы плачем под дверью маленьким ребенком. Мы готовы быть даже портовой шлюхой и подарить наслаждение, прежде чем убить.

Это мы звеним ключами и шебуршимся в замочной скважине. На дне озера полно ключей, может, одни из них по-

дойдет?

Это мы пугаем кошку до вздыбившейся шерсти. Наши пальцы скребут по обшивке двери. Это следы от наших ног-тей ты найдешь на ней с утра.

Мы будем настойчивы, ведь голод сжирает изнутри, а ты так просто попался на крючок. Ведь ты нас слышишь. Ты боишься. Ты видишь нас.

И мы будем приходить вновь и вновь, ведь ты единственный еще живой человек в округе. Желанная добыча.

Кап-кап. Шаг, шаг. Стук в дверь. Открой?

Браслет желаний

Заплаканная девочка влетела в комнату, бросилась на колени и уткнулась лицом в живот пожилой женщины. Худенькие плечи содрогались от рыданий, малышка пыталась что-то сказать, но выходили лишь громкие всхлипы.

– Ш-ш, милая, – узловатая ладонь бабушки прошлась по растрепавшимся косичками. – Что случилось?

– Они со мной дружи-и-и-ить не хотят! И Вася за косички дергает!

– Хм, тут все серьёзно, – задумчиво произнесла женщина. – И подойти к этому надо серьезно.

Она задумалась. В школе у внучки отношения не складывались, а видеть девочку расстроенной совсем не хотелось.

– Давай сплетем с тобой браслет, – предложила она. – Но не обычный, а волшебный.

– А он мне поможет? – подняла заплаканное личико девочка.

– Поможет. Только надо будет придумать желание. А желание придумать непросто. Чш, – бабушка повелительно вскинула руку, не давая девочке заговорить. – Думай пока. А я за нитками схожу. И поди умойся, нитки не любят сырость.

Пока девочка ходила умывалась, женщина достала из шифоньера металлический сундучок с нитками. Любовно стер-

ла с крышки пыль. «Да, давно в тебе не было надобности, приятель. Ну что ж, поможешь моей внучке?»

– Я все, бабушка!

– И желание придумала? – прищурилась та.

– Да. Хочу быть смелой, чтоб уметь постоять за себя, и хочу завести друзей.

– Большие желания, деточка, – женщина опустилась в кресло и поманила школьницу к себе. – Справишься?

– Да, – серьезно кивнула та.

– Ну, тогда выбирай нитки. С умом выбирай, – она открыла сундук, давая посмотреть на клубки.

Девочка замерла, прикусив губу. Синие? А, может, зеленые? Нет, желтые! Или красные? Наконец, она прикрыла глаза, выдохнула и уверенно взяла три цвета – красный, желтый и голубой.

– Эти.

– Хорошо. Садись рядом, я объясню, как плести. А пока будешь плести – будешь думать о друзьях, да о своей смелости, – женщина чуть подвинулась, давая больше свободного места. – Смотри, эту нитку заводишь сюда...

Света молчала. Лишь теребила браслет на запястье и не отвечала на шутки мальчишек. «Чтобы браслет заработал, надо пройти испытание. Первое – молчанием»

А мальчишки, как назло, сегодня, обзывались больше обычного, да так и норовили за косичку дернуть. Так и хотелось

дать сдачи, да пока рано. Так бабушка сказала.

К концу дня задиры поутихли, а затем и вовсе отстали. Браслет начинал работать!

«Второе – речью. Какая же храбрость, если ты разговаривать громко не умеешь и к доске никогда не выходишь?». Девочка действительно боялась. Отпускала голову пониже, когда учитель обводил класс строгим взглядом. Но сегодня... Сегодня она сама потянула руку вверх.

– Я хочу!

Она оттарабанила правило и написала текст без ошибок. Учительница поставила пять и похвалила за инициативу. А ей больше не было страшно. Значит, и второе испытание она прошла!

«И третье, самое сложное – добротой. Тебе нужно будет помогать тем, кому действительно нужна помощь. И делать это искренне»

И она помогала. Девочкам – накрывать стол, троечнику – решить пример. Кому-то донести вещи, а кого-то просто успокаивала и подбадривала.

В конце продленки к ней подошла одна из одноклассниц. Она неловко теребила в руках краешек юбки и боялась поднять глаза.

– Давай с тобой дружить? – тихо произнесла она. – Меня Катя зовут.

– Давай! – улыбнулась девочка. – А меня Света.

– Очень приятно, – вежливо отозвалась Катя и опустила

взгляд вниз, на Светины руки. – Ой, какой у тебя красивый орнамент на браслете! Ты его купила?

– Нет, сама с бабушкой плела.

– А меня научишь? – с восхищением спросила девочка.

– Научу, – пообещала Света и погладила браслет пальцами. Её желания сбылись. Так почему бы теперь не помочь другому. – Только надо плести вместе с бабушкой, только она знает, как сделать из него не простой браслет, а волшебный!

– Ух ты...

Найденыш

«Возьми, ну, возьми, я хороший...»

– Нет уж, – шепотом отвечала я и отпихивала приставалу ногой подальше. Тот не сдавался и вновь возвращался.

«Смотри, какой я красивый, ласковый. А еще я добрый, веришь?»

– Верю, верю, но не до тебя мне, милый. Найди себе кого другого.

«А мне ты нравишься...»

– Ты мне тоже, – смилдовалась я. – но к себе все равно не возьму!

«Ну почему?»

Я бы, наверное, еще долго препиралась с найденышем, но тут автобус остановился, а водитель громко объявил на весь салон:

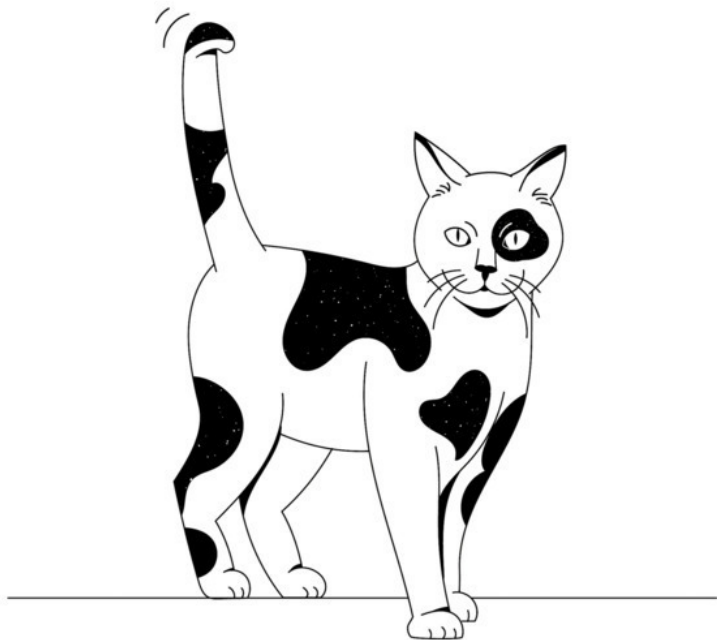
– Автобус дальше не идет, просьба покинуть салон!

Мигом подскочила, закинула сумку на плечо и намеревалась совсем-совсем не оглядываться и не поддаваться на обиженный взгляд в спину, когда услышала грустный, почти человеческий вздох за спиной. Сердце остановилось на мгновение, словно укоряя меня в черствости.

– Ладно, – пробормотала я, разворачиваясь на каблуках. – Кис-кис-кис, иди сюда!

Из-под ближайшего сиденья громко мякнули, и уже че-

рез мгновение кот оказался у меня на руках, громко урча.
– Будешь Кузей, – произнесла я, почесывая его за ухом.
«Мррр, как скажешь, хозяйка»

Звонок

– С-соедините меня с номером 680—25.

Голос девушки дрожит от страха, и я медлю пару мгновений, прежде чем ответить. Даю времени прозвучать фальшивой записи соединения, и негромко произношу:

– А я ведь предупреждал, Джейми, – она всхлипывает, мгновенно узнавая голос. – Ай-яй-яй, какая непослушная, девочка... Ты ведь знала, чем это закончатся.

– Нет! Нет! Не мучайте мою маму! – я слышу плач и с удовольствием вслушиваюсь уже в крики боли. – Я все сделаю, все! Больше не буду убегать! Пожалуйста, прекратите!

– Ты знаешь, куда звонить, когда вернешься, – бросаю трубку и откидываюсь в кресле. Попалась.

«Новости за 14 декабря... Вновь найден труп молодой женщины. Напоминаем вам, что череда убийств продолжается с осени этого года, а зацепок по делу серийного убийцы крайне мало. Однако, сегодня у нас в гостях сотрудник полиции Кларк Пристон. Кларк, здравствуйте. Появилось ли что-то новое в деле «Телефонного убийцы?»»

– К сожалению, нет, все тоже. Его никто не видел, а только слышал. Нет никого, кто бы мог его опознать, а о звонках мы узнаем от родственников. Не знаем, за что зацепиться, – мужчина вздыхает. – И поэтому я очень прошу, если

вам начнут звонить с угрозами, обратитесь по горячей линии, которую вы видите на экране. Мы обеспечим вам и вашим близким полную безопасность».

Как же, обеспечат. Нет ничего лучше старого-доброго страха, а он проникает везде, как и мой голос, я точно знаю. Последняя девочка была непослушной, а оттого умирала долго. Получилось написать множество номеров ее кровью, рассказывая о себе. Почему, если я вынужден постоянно слушать голоса, то всякая шваль имеет право отмахиваться от моего? В записной книжке покоились все номера, на которые она звонила, а их было сотни... Может не будь она такой болтушкой, не раздражала бы так сильно?

Впрочем, неважно. Чей-то тонкий, визгливый голос уже третий час жалуется на учебу. Господи, нельзя же быть таким нытиком! Что ж, милая, за это ты и поплатишься. Я долго за тобой наблюдал, слушал. Мерзкая, противная, самоуверенная девчонка, упивающаяся слабостью других. Что ж, теперь ты будешь слабой...

«Тело растерзанной школьницы нашли спустя два дня после ее смерти в одной из заброшенных квартир на *** — авеню. Это уже пятнадцатая жертва „Телефонного убийцы“. Новых фактов полиция не сообщает»

Идиоты. И девочка эта – идиотка. Ее визгливый голос действовал на нервы, и сжимать тонкое горло одно удовольствие. Впрочем, хрип вышел лучше визгливого голоса. Наконец, отдохну от него... Хоть чуть-чуть.

Их всегда так легко запугать. Понизить голос, рассказать, что будет, если она хоть кому-то расскажет о звонках. И дать послушать запись воплей прошлой жертвы. Это всегда пугает до дрожи в голосе. У меня целая коллекция записей. Вопли жертв, просьбы о помощи, крики детей. Весь арсенал для запугивания – я и крики боли. Разве не чудесно?

Я не оставляю следов, а мой голос знают только жертвы. И ни одна не расскажет о нем из могилы.

– Что еще он вам говорил? – офицер полиции внимательно записывает каждое слово за дрожащей девушкой. Та сидит, завернувшись в плед, а в руках у нее чашка горячего чая. И ее все еще трясет.

– Он пытал прошлых девушек. Включал их крики и просьбы о помощи. Сказал, что если обращусь в полицию, то следующими будут мои родные. Я не могла больше это слышать, – она всхлипывает, закрывая глаза. – А потом сказал, что будет ждать меня. В нижнем белье и на все готовой. Он называл м-меня падшей женщиной и говорил, что ничего не стоит раздвинуть ноги еще раз. Я-я... Я согласилась... Но в последний момент передумала. А на следующий день убили мою лучшую подругу Кони. Её мама сказала, что позвонила какая-то девочка и сказала, что мне нужна помощь.

Я, я боялась подойти к телефону, но он не звонил, и тогда

я начала беспокоиться. А потом, он зазвонил. И тот голос сказал лишь адрес. Я пришла к вам... Пожалуйста! Защитите моих родных! Я все вам расскажу, пожалуйста!

Спустя пять дней худощавого мужчину выводили в наручниках из заброшенного дома. Убийца рвался из рук и кричал, что невиновен. Но в доме нашли все – записи с криками жертв, телефонный аппарат и книгу с телефонными номерами. Все было решено.

Дома Алика торопливо заперла дверь и выдохнула. Все закончено. Она молодец. Скоро приедут родные, и все забудется. Телефонный звонок разбил тишину.

– Алика, милая, – мужской, низкий голос мягко пожурил ее. – умная девочка. Но не умнее меня. Твоя семья мертва. Из-за тебя я лишился своей коллекции, и ты порядком мне надоела. Что же будешь делать теперь, ведь я в паре домов от тебя?

Вытерев нож чистой тряпицей, мужчина присел около трупа девушки.

– Я спрячу тебя глубоко под землей, а полиции оставлю письмо, что вы с семьей переехали. Пришлось раскошелиться на билеты, чтоб сбить их со следа хоть ненадолго. И мне

придется переехать. Твои вопли для коллекции не годятся. Но зато я уже нашел новое место работы. В Огайо нужен новый диспетчер. Так что, аривидерчи, милая!

Неподходящий наряд

Она была в неподходящем наряде. Рыжая юбка, синие чулки и ярко-розовая кофта. У нее было самое дурацкое имя и отражение. И поэтому она была прекрасна.

Она приходила в это кафе по четвергам. Заказывала кофе, доставала чупа-чупс и ноутбук, поправляла хвостики и принималась печатать.

Впервые я увидел ее из парка. Она ярким пятном привлекла мое внимание, так что я вгляделся получше и обомлел. Розовые волосы, россыпь веснушек, яркий маникюр и зеленое платье с красным пиджаком. Я не мог отвести взгляда. Мой унылый вечер заиграл новыми красками.

С тех пор я постоянно приходил в этот парк и наблюдал за необычной девушкой. Выучил ее привычки. Узнал имя – Клариса, и любимый кофе – латте с карамелью. Безумно хотелось познакомиться, но мой серый костюм никак не вписывался в ее яркий образ. С этим что-то надо было делать.

И вот день настал. Я сидел в красных штанах и синем свитере. Чувствовал себя идиотом, но сидел. Ждал. На сиденье рядом лежал букет радужных роз. Поражать – так наповал!

Наконец, сзади раздался цокот каблучков. Она присела напротив меня и улыбнулась.

– Какой у вас необычный вид...

– Как и у вас, милая леди, – я протянул ей цветы. – Поз-

вольте пригласить вас на свидание?

По парку шли двое. Нелепые, слишком яркие, слишком непривычные для взгляда, но оттого не менее счастливые. Ведь только мы делаем наш мир ярче.

Человек – это истина, которая умирает

Я меняла повязки, смачивала тряпицы и стирала пот со лба. А раненный все говорил, говорил, говорил. О детях и жене, которых оставил там, далеко, а теперь и не знает, когда вернется.

О потраченном детстве, когда ели все, что придется, а девочек на свидание водили в яблоневый сад. Считалось самым важным – подарить своими руками добытое яблоко.

О юности, когда кровь бурлила в жилах, а первый поцелуй так сладок, что лучше него, казалось, нет ничего.

Он шептал, метался на постели, хватал меня за руки и смеялся. Перед его глазами вставала вся жизнь. А я была невольным слушателем.

Он говорил, что всегда возвращался. Куда бы его ни закидывало – всегда. А потом снова рвался в бой. Война стала неотъемлемой частью жизни, и он ходил туда, как на работу. Тяжелую, опасную, но любимую.

Он смеялся, говоря, что искал подвиги, чтобы потом рассказывать их своей Жоззи. Ему казалось, что без этого никак. Ведь таков был устоявшийся круг. Дом-работа-подвиг-дом... А ведь совсем не это ей было нужно...

Он плакал, когда говорил, что ненавидит эту чертову вой-

ну. Что она испортила, исковеркала жизнь, походя сломав как еще одну игрушку. Что он устал вытаскивать товарищей из-под пуль, видеть во снах кровь и остекленевшие глаза. Он хотел домой – к Жоззи и детям, и лишь сейчас понимал, что ему и не надо было никуда уходить, чтоб обрести счастье.

Но война не оставляет выбора.

Он показывал фотографии. Любовно вёл пальцами по родным чертам, кусал губы и запрокидывал голову, пытаясь удержать снова рвущиеся слезы. Он все прекрасно понимал.

Он говорил, говорил, говорил, и речь его сбивалась в бесвязный шепот, то затухающий, то вновь набирающий силу. Я меняла повязки и слушала.

Ведь это единственное, что я могла для него делать.

Небо

Я стою на краю крыши. Над головой вечернее, алое небо, подо мной пропасть. Напрягаюсь, готовлюсь. В этот раз я доведу все до конца. Раз, два...

Небо над головой темно-синее, с едва разгорающимся рассветом где-то внизу. Голубая, нежная каемка еще безумно мала, но потихоньку завоёвывает все оставшееся пространство. Я прижимаюсь к прохладному окну и, прищурившись, наблюдаю за медленно разгорающейся искрой солнца. Что ж, и бессонница бывает полезна.

День, собственно, идет насмарку, я уставшая и не выпавшая, но баюкаю внутри видение зарождающегося дня. Зевок. Кажется, оно того стоило. Тема пар проходит мимо меня, лишь автоматически фиксирую что-то в тетради. Ну и плевать, экзамены лишь в конце года.

Обратный путь под светлым с едва заметными облачками небом несколько бодрит меня. Задираю голову вверх и шурю от яркого солнца. Как жаль, что не могу взмыть в эту великолепную голубую высь...

Я уже говорила, что влюблена в небо? Тонкий луч солнца скользит по моему лицу. Кажется, это взаимно.

Когда это случилось – не помню. Знаю лишь, что замерла тогда посреди улицы, углядев впросвет между зданиями кусочек догорающего заката. Розовый свет затапливал небо-склон, а фиолетовые облака острыми стрелами неслись куда-то за горизонт. Само же солнце, желтое, в багряно-рыжем ореоле ослепило меня, пронзив в самое сердце. С этого момента я всегда поднимаю глаза вверх.

6

Чтобы посмотреть. Убедиться, что оно рядом. Чтобы ощутить поддержку и ухватить кусочек личного счастья. Причудливые фигуры облаков, мягкие краски дня и насыщенная

палитра закатов. Небо завораживало, пленило и звало к себе.

Только вообразите себе, каково это – падать вверх. Проваливаться в этот омут. В это бескрайнее небо. Тянуться к искрам звезд, желая убаюкать в ладонях. Страстно желать полета и все чаще искать выход на крышу.

Замок на старом чердаке поддался не сразу. Поскрипел для солидности, осыпал мне руки ржавчиной и, смилости-вишься, пропустил. В первые вылазки мне хватало и неба – я расстилала плед, куталась во второй и опрокидывалась на спину. Небо надо мной теряло свои границы, вырываясь из клеток домов и высоток. Здесь небо было совсем рядом.

Я тянула руки вверх и мне казалось, что мои ладони впитывают все краски дня. Разглядывала облака и давала им имена. И смотрела, смотрела и смотрела. В любое свободное время ускользала из квартиры и уходила к небу. Запускала самолетики, никогда не зная, куда они приземлятся. И страстно хотела сама стать самолетиком, чтоб ощутить эти волшебные мгновения полета.

И вот я стою. Ветер треплет волосы, на губах играет улыбка, а все тело поет в предвкушении движения. Надо мной вечернее, алое небо, подо мной пропасть. Я стою на краю крыши и готовлюсь сделать шаг.

Раз...

Два...

Три.

Я отталкиваюсь от привычного края и лечу. Мгновение

лечу, пока вновь не ощущаю твердую поверхность под ногами. И тогда вновь разбегаются и прыгаю. С крыши на крышу, навстречу небу и полету. Ветер свистит в ушах, а удар окрышу отдается болью в ногах, но я счастлива. Свобода.

Мой залиvistый звонкий смех несется вслед, заставляя людей поднимать головы вверх. Как знает, может, и они влюбятся в небо? А пока я бегу, перелетая с крыши на крышу, и впереди бескрайнее небо, в которое я влюблена.

ЗВОН

Бом-м-м. Бом-м-м. Бом-м.

Я запрокидываю голову вверх и улыбаюсь. Бом-м. Обожаю колокольный звон. Он вестник радости, вестник счастья, вестник сытного обеда.

Бом-м.

Тяжелые, мерные удары сменяются легким перезвоном. Ах, красота. Я готов слушать это вечно!

Каждый голос, каждый звук уникален. Он зависит от характера человека, от смелости, от силы руки, готовящейся к очередному удару. Бом-м. Как же прекрасно.

Я несусь от одного колокола к другому, собирая свежую жатву. Ах, этот уникальный перезвон серийных убийств. Четкий, звонкий, отчаянно жаждущий привлечь внимание. Мерный рокот намеренных, но защищающих свою жизнь колоколов. Ничего, и вы когда-то сорветесь в тонкий звон-плач, когда останется последний шанс. А гул случайных убийств? Он так похож на вой, что некоторые люди слышат его.

А некоторые даже видят меня. Пугаются, глупышки, конечно же. Хотя сами виноваты в моем появлении.

Я всегда упивался вкусом крови, а уж когда мне дали доступ на эту симпатичную планетку, то и вовсе ликовал. Сколько жизни, сколько силы, сколько уникального звука! Я

убивал, иногда заставляя мучаться, иногда быстро. Я создавал свою мелодию.

Однако, оказалось, что можно сделать звук еще интереснее, а убивать, почти не скрываясь. Демон я или где? Шепнул одному экстрасенсу, намекнул другому, навел шумихи в правительстве и теперь пожинаю плоды, а они думают, что контролируют меня.

Теперь я даю выбор. Кто сколько убьет и что ему за это будет. А точнее, не будет. Ведь они могут выбрать число от нуля до пятидесяти совершенно безнаказанно. А могут не ограничивать себя и стать моей добычей в тридцать пять лет. К этому времени они успевают сделаться поистине удивительным лакомством.

Люди как-то даже объяснили это, не затронув меня. Мол, демократия. Ха демо, как раз про меня... Мол, сможете защитить свою жизнь, да и бороться с перенаселением как-то нужно. Политики всегда все объяснят, на них можно положиться.

Я напоминаю о себе за пару дней. Тихо звеню колокольчиком над ухом. Люди так забавно пугаются! Вздрагивают. Особо несогласных я свожу с ума голосами, звоном и своим видом на периферии. Обычно им хватает, и они судорожно подписывают себе приговор под видом выбора числа.

Самых непослушных убиваю с особой жестокостью. Это так весело, когда игра идет по твоим правилам.

Особенно люблю нулевиков. Самая сладкая и невинная

добыча. Их проще всего подвести под удар, ведь убить их проще простого, а если убьют они – то тем более дорога в мою пасть.

Жаль, что с каждым поколением их становится меньше.

Бом-м.

Колокола звенят в моей голове, сообщая о каждом новом убийстве и создавая новую мелодию. Я счастлив.

Бом-м. Скоро и твой день выбора.

И небо обрушится на нас...

Я сижу на влажной скамейке и сжимаю в своей ладони твою безучастную руку. Небо над нами багровое, тревожное. Мне кажется, что с каждой минутой оно опускается все ниже и ниже.

На тебя, меня, нас и всю планету в целом. Я задыхаюсь, паника поднимается все выше, перехватывая горло и не давая нормально вдохнуть.

– Ты видишь? Видишь? – шепчу я. – Ответь мне, наконец, я не могу бороться одна!

Небо спускается ниже, грозит черными облаками, которые вот-вот прольются моими слезами. Ты молчишь, а я все жмусь ближе, целую твои скулы, лоб, губы. Ты молчишь, но на миг мне кажется, что губы дрогнули, отвечая. Все еще тешу себя надеждой.

– Видишь? – мой голос взмывает ввысь, и я жмурюсь, не в силах видеть подступающую темноту.

Она везде. На небе, во мне, в тебе, поглотив все капли света и, кажется, даже любви.

– Нет. Я ничего не вижу, – ты отстраняешься, и я вижу, как сжимаются губы. – И никогда больше не увижу.

– Это ведь не страшно, – шепот тихий, но я знаю, что слышишь.

– Самое страшное, – грубо обрываешь. – Знать, что может

быть лучше, чем есть.

– Что может быть лучше, чем жизнь?

В небе над нами сверкает молния, и я встаю. Ты не слышишь меня, не борешься, словно потеряв зрение, потерял и все человеческое, что было.

– Я люблю тебя, слышишь? Любого люблю, понимаешь? – ты молчишь. Что ж. Ты сделал свой выбор, когда не пустил к себе в палату. Когда накричал на меня, что нет жизни без зрения. Когда не захотел учиться жить так. Когда замолчал.

Я не могу достучаться до тебя, не могу жить без тебя, не могу вытащить из бездны, если протянутая рука остается пуста.

Первые, тяжелые капли падают мне на плечи, на запрокинутое лицо, смешиваясь со слезами. Прости. Мне больно, безумно больно.

И я боец, который сдался. Небо надо мной плачет, я наклоняюсь, бережно целую в висок. Ты хмуришься и просишь отвести обратно в больницу.

Я молчу. Все еще помню, как заливалась соловьем, а небо темнело. И вот она – развязка. Я не в силах ничего изменить.

Сдаю тебя на руки обеспокоенной медсестре.

– Главное, что ты жив. Помни это.

Ливень лишь усиливается, но я отмахиваюсь от предложения остаться. Не люблю плакать при свидетелях.

Я ухожу, в надежде, что поступаю правильно, и в надежде, что небо посветлеет.

Духи над водой

Они шли, едва касаясь замёрзшей поверхности озера. Сердце сжималось, глядя на них. Тонкий лед расползлся трещинам. Они начинали светиться изнутри, а по воздуху плыл тихий звон.

Я стоял на берегу, затаив дыхание. Руки тряслись от осознания того, что у меня получилось. Я сбежал из дома. Вернулся сюда, лишь бы увидеть их. И вот они. И это не чья-то выдумка.

Они появлялись только с первыми заморозками, словно были предвестниками зимы. Многие так и считали. Однако, я знал, что это не так.

Их видели в разных местах. От крупных рек до мелких прудов и озёр. Высокие, сотканые из света фигуры вышагивали тонкими ногами по поверхности воды, собирая вокруг себя потусторонние огоньки.

Моя сестра утонула на этом озере год назад. Провалилась под тонкий лед, а я не смог ее вытащить. Лишь вымок в ледяной воде и чуть не умер в больнице от пневмонии.

Жить тогда не хотелось. Моя сестренка... Маленькая, солнечная сестренка, которая доверилась мне и пошла на это чертово озеро. До сих пор помню ужас в родных глазах.

Единственное, что сводило с ума – разливающееся сияние, которое успел увидеть до того, как потерял сознание.

Порыв ледяного ветра заставил вздрогнуть и отвлечься от мыслей. Вовремя. Существа остановились. Одно из них – самое большое опустило голову и скользнуло тонким щупом под лед. Там, где с самого их появления разливался тот самый свет. Мигая, он начал приближаться к поверхности, пока не запылхал так ярко, что я был вынужден прикрыть глаза.

Они не забрали ее тогда. Это было не их время. Но сейчас...

Когда я, наконец, проморгался, на озере появилась еще одна фигурка. Маленькое, тонконогое существо подняло хобот и радостно затрубило. Остальные, подхватив его «песню», тоже задрали вверх морды, затрубили и начали светиться, постепенно исчезая. Исчезая...

– Нет! Постой, Деми! – я яростно замахал руками, пытаюсь привлечь внимание. – Пожалуйста! Деми!

Она не слышала. Моя маленькая сестренка, ставшая чем-то новым, не слышала меня. По лицу потекли горячие слезы, я закричал, срывая голос:

– Д-е-ем-и-и! По-о-о-ст-о-ой! – что, что сделать, чтоб она меня услышала?! Я должен попросить прощение, я должен сделать хоть что-то!

Лед под ногами казался ужасно тонким и ненадежным. Шагнув вперед, с ужасом услышал тихий треск. Мне пару шагов, всего пару, лишь бы Деми меня увидела! Лед затрещал громче, и я закричал громче:

– Д-е-ем-и-и! Пожа-алуйста!

Шаг, еще шаг. Лед под ногами треснул, и я с громким криком рухнул воду. Испуганно замолотил руками, вновь чувствуя, как меня охватывает паника. И лишь поэтому не ощутил, когда меня обнял тонкий щуп большого существа, выдергивая из воды и ставя на безопасный берег.

Из-за его ноги робко выглядывала моя сестренка. Дух подтолкнул ее ко мне и Деми, расплакавшись, упала в мои объятия.

– Деми, прости меня, маленькая, прости. Я не хотел, я не знал... Прости меня... – она обняла крепче и, отстранившись, закрыла мне рот ладошкой.

– Все х-хорошо... – она всхлипнула и улыбнулась. – Ты не виноват... Я так р-рада тебя в-видеть.

Я не заметил, как опустился на землю, сжимая Деми в объятиях. По щекам текли слезы, я вновь проживал те моменты, когда видел маленькое, хрупкое тельце в гробу. Но сейчас чувствовалось её тепло, дыхание. Она была живой, и я чувствовал это.

Сколько мы так просидели – не знаю. Только в какой-то момент Деми отстранилась. Ей было пора уходить. Я и так задержал ее здесь слишком долго.

– Мне пора... Спасибо, что пришел. Обними за меня родителей.

Тонконогие, сотканые из света существа шли по тонкому льду. Самый маленький из них прощался – трубил, запроки-

нуд голову вверх. Я махал им с берега и знал. Однажды мы встретимся снова.

Хранитель Леса

Горелые леса стояли везде, куда ни кинь взор. Черные ветви тянулись к небу в безмолвном плаче. «За что?» – спрашивали они, – «В чем мы повинны?» Сизый туман пытался скрыть черную землю, дать иллюзию на то, что хоть что-то осталось живым, но я видела лес умирающим. Все еще казалось, что вокруг нестерпимый жар пламени и слышится треск сучьев. Что этот ужасный день не заканчивался.

Я очнулась спустя неделю, когда по мертвой земле забарабанил дождь, принеся с собой саван тумана. В воздух смешались запахи сырости и тоски. Слезы и пепел сердца почти умершего хранителя. Меня.

В тот день Лес разбудил меня не сразу. Мудрый и древний, он надеялся справиться сам, не тревожа юную хранительницу. Но не смог. Я проснулась от тревожного шелеста опавшей листвы, глухого стога пожираемой огнём древесины. Пламя уже подбиралось к сердцу чащи. Как знать, может дай он увидеть пожар раньше, можно было бы все предотвратить. А может, и нет.

Началось все с тлеющих углей костра, оставленных человеком. В тот вечер госпожа Ветер гуляла по лесу, заглядывая в дупла деревьев и напевая свою извечную песню. Подол ее платья разметался далеко по лесу, потревожив угли, и дал им новой пищи для жизни. Они вспыхнули, а испугавшаяся

госпожа Ветер разнесла на запылавшем подоле яркое пламя по округе.

Удалось вывести зверье. Так решил Лес, и я вынуждена была подчиниться. Полыхающее зарево прикрывало меня и мою магию, а потому все они остались живы и нашли приют у соседнего хранителя. Когда я вернулась – Лес догорал. И он знал об этом, отсылая меня подальше. Пытался не утянуть меня вслед за собой. Однако, ничто не могло меня заставить оставить свой дом. Я слышала его тихий плач-стон и чувствовала, как по моим щекам текли слезы.

Но я ничего не могла сделать.

Пожар закончился так же быстро, как и начался. Прошелся по высохшему после жаркого лета лесу, оставив лишь черное пепелище. Куда ни посмотришь – черные остовы, да зола. Ни листочка, ни травинки, ничего живого здесь больше не было.

Вокруг все было мертво. Ни зеленого листика, ни травинки, но отчего-то сердце моё ещё билось. Я помнила, как захлебываясь плачем, вернувшись в сердце дома, где, свернувшись клубочком, должна была встретить смерть. Но я жива, а Лес нет. В груди чувствовалась пустота, там, где раньше сияла прочная нить связи. Почему я все еще здесь?

«Тебя это устраивает?» – прошелестел господин Ветер. Он со своей супругой, уже приходили извиняться, но легче от этого не было.

– Не тебе об этом спрашивать, – всхлипнула я. Сердце

разрывалось при виде мертвого дома, но я отчаянно пыталась найти хоть что-то живое. Я ведь жива.

«Здесь больше нет никого» – ответил он. – «Так тебя это устраивает?»

– Нет, – замотала головой я. – Нет, нет, нет.

«Так исправляй»

Я поднялась с колен, отряхнув руки от земли. Справа и слева все также тянулись мертвые стволы. Но теперь, среди них притаилось что-то еще. Еще маленьких, хрупкие, но уже проклюнувшиеся семена, с которыми я поделилась силой. Дети моего Леса вырастали из пепла, направляемые твердой рукой. А внутри меня вновь шумел Лес.

Все еще можно было исправить.

7

Хранитель Города

Ч-ш-ш, видишь, я пытаюсь поймать ритм? Это не так-то просто, когда в твоём распоряжении целый город! Только отвлекись, а машины уже вновь застряли в пробке и гудят совсем без системы!

Знаешь, а меня никто не спрашивал, хочу ли быть Хранителем города. Просто взяли и стерли всю мою прошлую жизнь. Только знаю, что когда-то жила здесь сама, раз старые улицы отзываются чем-то знакомым внутри.

Я не любила день. Эту ужасную суматоху, когда все спешат куда-то, носятся, а машины гудят слишком громко. Поэтому тормозила движение и портила погоду, лишь бы не слышать всю эту какофонию. Мне ведь никто не объяснил, как быть Хранителем.

Я любила ночь. Зажигать уличные фонари и, купаясь в их сиянии, гулять по опустевшим проспектам. Мне нравилась тишина. Заглядывать в дома, смотреть на чужие семьи... Делать хоть что-то, чтобы не чувствовать себя одинокой в этом городе. Даже спрашивала совета у зданий и с обречением ждала нового утра и новой головной боли.

Наверное, я бы сдалась. Не понимая, что и как делать, сошла бы с ума, чувствуя, как город противится моей воле, пытаюсь жить привычной жизнью. Ведь кто я? Очередная Хранительница. Правда, задержавшаяся теперь уже по-

чти на сотню лет.

Но в один из дней я просто-напросто услышала один из разговоров горожан.

«Ощущение, что нас прокляли!» – жаловался один другому. – «Я уже неделю не могу добраться до работы нормально! А это чертова погода? Да и вообще здесь стало на редкость неуютно. Надо уезжать»

«Подожди», – отвечал второй. – «Ты видел каков город ночью? За его красоту и свежесть я готов простить все!»

«Да ты неисправимый романтик» – ответил ему первый, а дальше я не слушала.

Ведь я поняла очевидную истину. Люди чувствуют мой настрой. Им неуютно в городе. Я порчу жизнь не только себе, но и другим. Отличный Хранитель.

С того дня я стала прислушиваться к разговорам. Подмечать свои ошибки. Мне было невероятно стыдно за свое поведение. Город, наконец, откликнулся на мои просьбы после стольких недель борьбы, и открывался с новых сторон.

Я все также не люблю день. Слишком шумный и яркий, но в нем есть и своя изюминка – музыка. Я создаю ее из цокота каблучков, сигналов машин, детского смеха и много другого.

Я все также безумно люблю ночь. Зажигаю уличные фонари и смотрю на огни окон. Город мой издалека похож на игрушку, и я знаю, что ему это тоже нравится.

Я слушаю разговоры. Подмечаю ошибки. Знаю, что нра-

вится. Да и просто живу своей жизнью. Так что не бросай слов на ветер, я ведь услышу.

А теперь мне пора. Рада была поболтать, но на мосту вновь пробка, а в моих планах сегодня новая мелодия.

А как звучит твой город?

Хранитель Ночи

Я четко помню, как родилась. День клонился к вечеру, голубой цвет постепенно исчезал, сменяясь яркими красками заката... Оранжевый, красный, малиновый... А потом словно кто-то сдернул покрывало, моё тёмное, бархатное одеяло, разметав его по небосклону. Так родилась я – Хранительница Ночи.

Первое время я была очарована Ночью. Почему все считают, что в темноте притаился страх? О, ночь наполнена жаркими взглядами, тихим голосами и волшебными сказками. Остальное она скрывает от чужих глаз. А цвет – разве тривиально черный? Глубокий синий, слегка фиолетовый к краю горизонта, шелково-бархатный...

Помню, как просидела на берегу своих Чертогов всю ночь. А затем она звездным плащом опустилась мне на плечи, уступая свой черед наступающему утру.

Мы шли с Хранителем Дня об руку, творили маленькие чудеса, растягивали наши единственные встречи – закаты да рассветы. Лишь изредка нам удавалось полноценно насладиться друг другом. Такие дни люди называли солнечным затмением. Глупые... Разве может быть затмением миг желанного свидания?

А в один из дней после наших встреч небо стало бесцветным. Плащ ночи не покинул мои плечи, баюкая зарождаю-

щуюся под сердцем жизнь. И Хранитель Дня взял мое время, давая время на отдых. Лишь на короткое время ночь опускалась на землю, давая такую необходимую поддержку моему супругу.

В день летнего равноденствия все разрешилось. В миг равенства Дня и Ночи наша дочь огласила мир первым криком. Светлая ликом, она имела месяц на лбу и россыпь звезд-веснушек по щекам. Мы нарекли ее Белой Ночью. В её пору небо снова становилось бесцветным, неся в себя отголоски лучей дня и едва показывая звезды с плаща Ночи. В её пору люди не спали вместе с нами.

Я любила наблюдать, как День и Ночь сплетаются на горизонте. Тогда мы с супругом вместе добавляем красок на небосклон, даря людям новое чудо. У него в запасе кружево облаков – у меня россыпь созвездий. И еще ни разу наша картина не повторялась.

Но всему наступал свой черед. Я ступала по миру ночью, укрывая под плащом дочь. Миллиарды звезд сверкали на моем плаще. Они несли с собой сны, сказки и мирские надеж-

ды. Я любила Ночь, но больше всего я любила искру зарождающегося дня. Ведь тогда наша семья вновь была вместе.

Подними голову вверх, человек. Может, тебе повезет увидеть нас... А пока посмотри. На небе загораются новые звезды – это мы с Белой ночью шьем новый узор.

Хранитель Воды

Ты знал, что мы все состоим из звездной пыли? Я помню времена, когда всю эту планету покрывала вода. И помню, как в неё срывались звезды с плаща Ночи, оставляя в воздухе свой след. Пепел от них медленно опускался в мои воды, где зарождалась жизнь.

Я была самой первой Хранительницей. Видела, как все начиналось. И знаю самую главную тайну, но о ней скажу чуть позже.

Камни звёзд становились сушей. Орошаемые моими водами, давали жизнь растениям, а затем и первым животным. Так начиналась жизнь.

Суши становилось все больше, и все больше живности нуждалась во мне. Получившие тела из звездной плоти, они нуждались во второй составляющей – воде. И я давала им её. Мне не было жаль.

Я создавала реки и озера. Щедрой рукой разбрасывала их по континентам, дабы напить землю жизнью. И земля отвечала мне тем же.

9

Я видела, как меняется мир. Видела все – от начала и, кажется, до конца. Ведь воды мои стали грязны. Есть еще чистые озера, но большинство водоёмов уже загрязнены. Я была слишком добра к людям, а они слишком беспечны, хороня в водах бомбы и отходы. Я предупреждала их, насылая ливни, цунами и засуху. Они не понимали.

Многие Хранители страдают вместе со мной. Гибнут Леса и Поля. Хранители животных уже давно плачут, понимая, что ничем не могут помочь своим подопечным. Мир потихоньку угасает.

⁹ Изображение от Freepik

Помнишь, я говорила о тайне? Мы все состоим из звездной пыли. Но это не значит, что мы вновь возродимся из нее. Будь осторожней, человек.

Девочка-колокольчик

Жила-была девочка-колокольчик: волосы до пят да душа светлая. Улыбка кроткая, сердце доброе. Все её любили. Как не любить...

Девочка-колокольчик в фате до пят да платье подвенечном у зеркала плакала. Не хотелось замуж за вельможу местного, что старше намного. Да только воле батюшкиной не перечишь.

Шла она через озеро по мосткам хрупким. Шла, не смотря под ноги, да провалилась. А подол венечный не дал вдохнуть в воде. Не нашли тела девочки-колокольчика в озере. Не отдало оно свою дочь.

Погоревал отец, да уехал. Вельможа новую невесту нашел, да и забыли все. А она не забыла.

Минул год. И расцвел на том озере цветок невиданный. Тонкий, хрупкий, желанный. Смех плыл над озером, манил к себе. Ждала девочка-колокольчик жениха. Руки тянула к нему из воды. Жить хотела, но не отзывался никто.

На следующий год еще пуще цветок расцвел. Побег дал да оплел все озеро и мостки. Не ходили люди более по ним.

Еще год минул. Не находилось управы на дочь озера. Тонули дети, спутывал им ноги подвенечный подол да утягивали под воду белые руки. Девочка-колокольчик тоже хотела семью. Только жениха все не было.

Еще год минул. Оплел цветок все озеро, все также маня своей чашей из середины. Не дотянутся, не сорвать. Надежно спрятана душа русалки. Сторожат ее дети чужие, тянут руки из воды, матерей зовут.

А девочка-колокольчик все ждет свадьбы да платье расправляет. Озеро отца заменило, чужие дети своими стали, но все ей мало. Ждет любви русалка, жениха кличет.

Идет девочка-колокольчик по деревне, в окна смотрит. В мокрых волосах кувшинки белые да водоросли. Глаза мертвые в душу заглядывают, но бегут мурашки по коже от этого взгляда. Выходят мужчины на смотрины, повязанные не своей волей. Ищет русалка любовь, а видит лишь страх. Нет здесь для нее любви.

Вымерла деревня, пропали люди. Кто ушел, кто присоединился к детям. Затихла девочка-колокольчик. Лишь плач разносился над водой, да мерцал цветок в ночи.

Забрел юноша в деревню. Юный, молодой. Искал отца-вельможу, но не нашел никого. Остановился в его доме, вышел ночью к озеру, польстившись на зов девичий. Протянула к нему руки девочка-колокольчик и утянула под воду. Долго ласкала губы холодные, но не добилаь ответа. Умер сын вельможи, так и не став женихом.

И плывет легенда о зачарованном озере да прелестной невесте. Коль сорвешь цветок заветный, выполнит озеро желание твое, да наградит невестой красоты невиданной. Только все мигает в ночи цветок и плачет девочка-колокольчик

на озере, тянет руки свои из воды.

Коль увидишь свет на озере путник, беги без оглядки.

Dead-мороз

Холодно. В старых домах всегда холодно, но сегодня – в канун Нового года, было особенно морозно.

Закутавшись в плед, девушка сидела на диване и, не отрываясь, смотрела в темноту за окном. Точнее, на само стекло, которое запотевало от чужого дыхания с той стороны.

Странности начались еще днем. Мороз пробирался в квартиру, несмотря на горячие батареи и поставленную печку. Затем поползла по стеклам изморозь. Тонкая, можно было бы сказать изящная, не расти она острыми пиками в сторону девушки.

Затем во всем доме вырубило свет. Махом. Словно кто-то опустил рубильник. Без искусственного, но света, темнота за окном стала ближе. Ближе и еще страшнее.

Словно там, за окном, кто-то был.

Махнув рукой, девушка засела за телефон, привычно отвлекаясь. Мало ли что покажется в пустой квартире?

Затем завыл кот. Глухо, отчаянно, он не отрывал взгляда от окна и хлестал себя хвостом по бокам. Именно тогда-то она и увидела, как под чьим-то дыханием тает изморозь. На восьмом этаже. Кто-то смотрел на нее с той стороны.

Схватив кота, она попыталась успокоить его, но тот лишь шипел и вырывался. Маленькое тельце дрожало, уши были прижаты к голове. Он дернулся и ужом выскользнул из рук,

прячась под диван.

Плюнув на кота, девушка ушла в другую комнату, но ощущение чужого взгляда не пропало, лишь усилилось.

Пиликнув, разрядился телефон. Слишком быстро, но на морозе вся техника ведь разряжается быстрее.

Быстро подхватив с кухни чайник с горячей водой и иконы из красного уголка, девушка вновь вернулась в зал. Тут хотя бы был кот.

Было тихо. Настолько тихо, что она слышала хриплые выдохи за окном. Ужас потихоньку накрывал с головой, заставляя сердце биться чаще, а саму девушку вздрагивать от любого шороха.

– Котя, иди ко мне, пожалуйста, – выдохнула она, пытаясь выудить кота из-под дивана. Тот, шипел, но потом сдался, наверное, понимая, что бояться проще вместе.

Цепляясь пальцами за густую шерсть, девушка читала молитву, прижав крестик к губам:

Отче наш, иже еси на небесех!

Да святится имя твое,

Да придет царствие твое,

Да будет воля твоя,

Яко на небеси и на земли,

Хлеб наш насущный даждь нам днесь;

и остави нам долги наша,

якоже и мы оставляем должником нашим;

и не введи нас во искушение,

но избави нас от лукавого.

Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки.

Аминь

Это была единственная молитва, что она помнила, и девушка раз за разом повторяла ее. Тишина за окном сменилась неистовой вьюгой, дрожали окна, хлестали по стеклам ветви деревьев, чудились голоса и с каждым мигмом становилось все холоднее.

«Глупая, все равно ничего не выйдет...»

«Жертва, нам нужна жертва... Только свежая, горячая кровь...»

«Иди к нам... У нас хорошо...»

«Не бойся...»

Голоса дурманили, звали наружу, просили открыть дверь, окно. Хоть что-нибудь, лишь бы пустить внутрь. Они плакали, кричали, пугали, умоляли.

«Ты всё равно умрешь»

Вскочив и не переставая читать молитву, девушка, прижимая к себе мелко дрожащего кота, добежала до кухни. Где-то здесь были свечи. Церковные свечи...

Огонек никак не хотел зажигаться, кот боялся огня, вцепился когтями в футболку и кожу, а вьюга за окном бушевала все яростней.

Наконец, теплый, мягкий огонек заплясал на тонком фитиле, и девушка чуть не расплакалась от облегчения. Мороз

за окном взвыл еще пронзительней, понимая, что не имеет над ней власти и отступил, затаившись.

Всю ночь до рассвета девушка просидела на диване, укутавшись во все одеяла, что нашла, читая молитву и держа в руках свечу. И лишь когда первый луч солнца коснулся ее окна, она почувствовала, как чужой взгляд исчез.

Все еще опасаясь, она подошла чуть ближе к окну, выглядывая. Ледяная ладонь стукнула по стеклу со всей силы. Вскрикнув, девушка отшатнулась назад, обжигая руки плеснувшим из свечи воском и не сводя взгляда со скребущей по стеклу руки. Вслед за ней проявился и сам ее обладатель.

Синий, с белыми, слепыми глазами дед. Он скалился, пытаясь разбить стекло, но стоило девушке вновь зашептать молитву, как отпрянул, недовольно взыв.

«Не в этот, так в следующий раз», – прошептал ветер, и старик растворился в лучах солнца, напоследок махнув рукой во двор.

Не выпуская из рук свечи, девушка вновь выглянула. Снег вокруг новогодней ели был пропитан кровью. А на ней, словно игрушки висели соседи.

Девушку вырвало на пол. Тихонько скуля, она вернулась в комнату, и вновь вцепились в свечу, шепчу молитву. Она понимала, что лишь свеча спасла в эту ночь. Карачун забрал свою жатву. И лишь чудо, что она осталась жива.

Кружевница

Снежинки. Маленькие, хрупкие, безумно красивые. Они покрывают землю покрывалом. Белым, кружевным покрывалом. Правда, здорово? Это моя работа.

Итак, приятно познакомится. Я – кружевница. Одна из новогодних помощниц. А как без меня? Нет снега – нет настроения. Люди грустят, теряют улыбки. А ведь они связаны. Эмоции и снежинки. Самые красивые снежинки – улыбки. Самые яркие – детский смех. Самые пушистые – радость. Нет эмоций – нет снежинок. Не из чего плести.

Вот же печаль, с каждым годом меньше смеха, радости, улыбок. Люди мерзнут. Хмурятся. И не ждут праздника. Даже лето было дождливым. Не принесло ярких эмоций. Вот и мало снега.

Берегу его. Лишь бы хватило. На Новый год. На снеговики. На снежки. Выдаю по чуть-чуть. А вы не рады.

Так и рассыпается кружево. А мне придумывай узор! Ведь каждая снежинка уникальна, как и ваша эмоция. Так улыбнитесь! Украсьте бумажными снежинками окна. Раскрасьте зеркала зубной пастой. Сделайте символ Нового года.

Я тоже хочу снега! Давайте договоримся? Вы мне счастья, эмоций. А я вам снега. Свежего, хрустящего... самого настоящего! Новогоднего! Ну что, по рукам?

Девочка с ключиком

Я помню самое первое её письмо. На тетрадном листке. Буковки прыгали, но это ничуть не мешало прочесть содержание. Я привыкла к детскому почерку.

Маленькая девочка просила друга. самого настоящего! Чтобы поддерживал ее в трудную минуту, потому что другие ребята с ней не дружат. Помню, мы тогда отправили медвежонка, как самого ответственного и доброго.

Второе и третье письмо были такими же ярким. Добрым-добрым, хотя таким же мило-неряшливым. Она благодарила за друга и говорила, что он самый замечательный. И зовут его Потапыч. Интересно, Мишка сам проболтался?

А вот следующее письмо было странным. На ровной, белой бумаге. С аккуратным почерком и следами слез. Из всей семьи остался только Потапыч, и она очень-очень просила, чтобы мама забрала её домой. Или папа. Хоть кто-нибудь. Это желание мы не могли выполнить и оттого на сердце было тяжело.

С каждым письмом девочка верила в чудеса все меньше. Ведь мама не возвращалась, а из подарков сыпались бесполезные конфеты. Словно могли заменить ей родных. Мне было так больно, так хотелось согреть эту маленькую девочку, что я нашла минутку времени и смастерила небольшой кулончик – ключик. Может, когда-нибудь, она поймет, что

им можно открыть.

Став чуть постарше, она просила о хорошей семье и скрипке. Хотела играть. Последнее меня радовало, и я сделала все возможное, чтоб скрипка действительно оказалась у нее. Все-таки дорогостоящий предмет.

А после она пропала. Резко махом, словно и не писала никогда. Я перебрала сотни писем, чтобы убедиться – нет, не пропустила, и отложила ее прошлые в отдельный ящик. Иногда перебирала. Первые, самые детские – полные радости, забав и веселых историй. Затем те самые – прочитанные слезами и болью. И последнее – со скрипкой.

Интересно, научилась ли она играть? Пришлась ли скрипка по душе? Какая семья теперь у нее и как там живет?

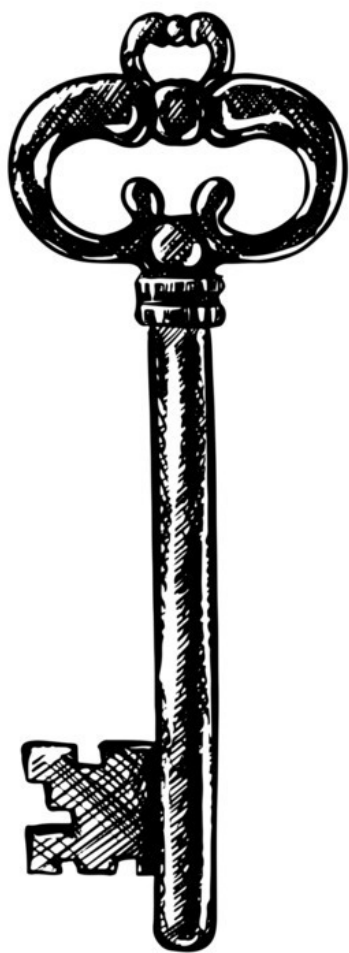
Сотни вопросов крутились в моей голове, пока я перебирала письма. Иногда отвлекалась на другие истории, но всегда помнила о ней. О девочке с ключиком.

Попросила Дедушку поискать, если будет время, но знаю, что ему, итак, нелегко разнести все подарки за одну ночь. Но надежды не теряю.

А потом пришло оно. Пухлое, подписанное уверенным взрослым почерком. Нам вообще взрослые пишут нечасто, да и то просьбы своих детей передают больше. А тут целый, большой конверт...

Его я открыла сразу. Сердце застучало в предвкушении, я бережно достала листы из конверта и поймала выпавшую фотографию.

Первым узнала Потапыча. Он немного потрепался, потерял свой бант, но с задачей справился. Ведь женщина на фотографии крепко прижимает его к себе и ярко улыбается в камеру. Это она? Моя девочка с ключиком? Она не потеряла его?

«Здравствуй, мой друг» – с ЭТИХ СЛОВ начиналось письмо. – «Я не знаю, кто ты точно, но ты есть. И именно ты выбрал для меня моего верного друга и подарил мой талисман – ключик.

Он грел меня в трудные времена, я представляла, что открою им все-все двери. Я берегла его. Он был моей надеждой. Спасибо тебе за это и за маленькие записочки под ёлкой каждый раз.

Я не скажу Дедушке Морозу честно-честно. Сначала я думала, что это воспитатели. Но уж они точно не могли знать о Потапыче и моей разбитой коленке. Я ведь только Дедушке об этом писала. А ты, видимо, читал. Это я уже потом, став взрослой, поняла.

Но что-то я расписалась. Как восторженная школьница, хотя именно ей я себя сейчас и ощущаю.

Я пишу сказать тебе спасибо и извиниться, что так долго не писала. Я ведь перестала верить в чудеса тогда. Совсем-совсем отчаялась и обиделась на весь мир. Глупая была.

И только дочка. Моя маленькая дочка напомнила мне о волшебстве. Заставила задуматься и вспомнить о ключике.

Знаешь, наверное, мой друг, этот ключик нашел свою

дверь только сейчас. Он открыл мое сердце. Открыл его для радости, веры в чудо и волшебство.

Ведь я боялась. После того как потеряла родителей в аварии, очень боялась снова любить и закрыла свое сердце. И даже полюбив своего мужа, все также боялась окружающего мира.

А теперь я не боюсь. Ни капельки. Ведь моя дочь и твой ключик совершили чудо. Спасибо тебе за это.

И вот, я снова пишу. И даже вложила несколько фотографий, со мной, Потапычем и всей нашей семьей, чтоб ты меня узнал.

Передаю большой привет от моей Анютки. Она очень хочет настоящего друга. Думаю, мы с ней обратились по адресу?

А еще передаю небольшой подарок тебе. Долго не знала, что сделать, но, надеюсь, ты оценишь.

*С любовью,
Твоя Оля.*

Р. S. Обещаю больше не исчезать!»

По щекам текли слезы, но я счастливо улыбалась. Все у нее хорошо. Все получилось. Из конверта мне в руки выскользнуло еще несколько фотографий и кулончик в виде сердечка. С трепетом внутри я открываю подвеску и вижу детскую фотографию Оли с Потапычем. Как же здорово...

Кулончик тут же занял свое место на шее, а фотографии я бережно положила вместе с письмом в ящик и написала ответную записку.

«Надеюсь, больше не потеряю. С Наступающим, Оленька! А у Анечки будет самый настоящий друг!». Зайка давно хотел к своему давнему другу.

За окном метель, дедушка уже собрал мешок с подарками, а вокруг меня ворох писем. Сотни историй, которые уже рассказаны и те, кто еще ждет своего часа.

Но все они живут в моем сердце.

Тримай

Я обнимаю тебя, вожу ладонями по спине, чувствуя, как она содрогается от беззвучных рыданий. Ч-ш-ш, ч-ш-ш, мой хороший. Я рядом, я тут, я знаю, как тебе плохо.

Это продолжается уже больше года. Не становится ни лучше, ни хуже. В твоих глазах погас блеск, ты часами можешь смотреть в стену, не отвечая на мои вопросы. Ты можешь накричать, сорваться, а потом целовать руки просить прощение.

И я все готова простить за минутные объятия, за крепкие, нежные объятия, в которых снова чувствую себя маленькой девочкой, под защитой любимого человека.

Я знаю, что это ненормально. Что нужно лечиться или хотя бы посетить врача. Я знаю, знаю и уговариваю тебя каждый день. Пока безрезультатно.

Ты видишь, как мне страшно. Видишь и тоже пытаешься бороться. Все говорят, что я умру вслед за тобой. Что в могилу сведешь. Глупые. Разве может любовь убить? Разве может искренняя забота погубить?

Я рядом, мой милый. Мы справимся вместе. Я знаю, что рано или поздно уговорю сходить тебя к врачу, или же мы справимся своими силами. Выход есть всегда.

А пока, я обнимаю тебя, сцеловываю слезы с твоих щек и жмусь ближе, даря драгоценное тепло. Все будет хорошо.

Только обними меня крепче.

Наоборот

– Папа, папа, ты меня слышишь, папа, папа! Я дверь забаррикадировал совсем-совсем, гвоздиками и досками! Теперь никакие гости к нам не придут! – маленький сын приложил ладошку ко лбу и отчитался. – Первый рубеж обороны создан, какое новое поручение?

В дверь громко забарабанили, послышался детский голосок.

– Папа,пусти меня, я выполнила свое задание!

– Это, наверное, Катя, она горку песком посыпала! – забеспокоился мальчик, нахмурил брови и посмотрел на отца.

Отец и сын переглянулись, дружно вздохнули.

– Ну, разбираем, там еще мама должна прийти...

Наконец, все в сборе, на столе обычный борщ, компот из сухофруктов.

– Так, семья, полный отчет, как вы справились?

– Дверь забаррикадировали, на горке кататься совсем нельзя!

– Ужин испортила, шампанское не купила, мандаринов не будет!

– Салюты выкинул, елку разобрал, мишуру с квартиры снял! Молодцы, семья, мы готовы к «не» празднованию!

– Не счастливого не нового не года, не радуйтесь, а просто живите! – хором произнесла семья и улыбнулась, это был

первый год наоборот.

Его звали Охохо

Будучи маленькой, я часто смотрела, как празднуют Новый год другие дети. У них была большая ёлка, куча подарков и шикарный праздничный ужин. Большая семья и яркие фейерверки. У них было чудо.

А у меня. Нет. Не было ни папы, ни елки, ни шикарного праздничного ужина. Мама приходила с работы поздно, уставшая обнимала меня, и мы шли спать. А наутро, в изголовье кровати я обязательно находила какой-нибудь подарок. Конечно, не такой роскошный, как у других детей, но дорогой сердцу. Вязанный своими руками шарф, рукавички, красивую брошку или куклу.

Это позже я поняла, как мама старалась подарить мне тот самый праздник. Как тяжело ей было одной, без мужа растить меня, покупать быстрорастущему ребенку одежду, да и находить деньги на маленькие радости. А тогда... Тогда я тоже хотела большого праздника.

И я про него написала. Решила – создам свой Новый год. Он будет только у нас с мамой и больше ни у кого. Достала новую тетрабочку и села писать «наш» Новый год.

Елку предполагалось выкладывать из обуви. Её у нас было больше всего – старой, поношенной, но отчего-то не выкинутой. На праздничный ужин – желе. Обязательно апельсиновое! Его я любила больше всего, а мама готовила его ред-

ко-редко.

Деду Морозу полагалось быть в модных джинсах и шелковой рубашке. А еще без бороды и с волшебными усами. Уже и не помню, почему так.

А подарки оставлять в изголовье. Как всегда, делала мама. Это же наш Новый год!

Когда я показала записи маме, та отчего-то заохала и прижала крепко к себе. И предложила в этом году провести все так, как я написала. А еще я решила, что раз мама охала, то нашего Деда Мороза будет звать Охохо.

Тот Новый год я запомнила надолго. Самые светлые моменты уходят так быстро и безвозвратно. Больше у нас так отпраздновать не вышло. Мама устроилась на другую работу, все наладилось, а про тот праздник мы и забыли. Но я сохранила свои записи, написанные детским кривым почерком.

И вот. Новогоднего настроения нет, ёлка не радует, а от запаха мандаринов кружится голова. Я вынула тетрадку со «своим» Новым годом и улыбнулась. Эх, сейчас бы вернуться и отпраздновать, как тогда...

Звонок в дверь. Я нахмурилась и пошла открывать. На пороге стоял мужчина в «модных» джинсах, шелковой рубашке. В руках у него была вазочка с моим любимым апельсиновым желе. Под роскошными усами таилась улыбка.

– Ну, что, в этом году Дед Мороз – я! Ваш Дед Мороз устал, да здравствует Дед Охохо! Ты рада? – он подмигнул. –

Заскочил к тебе первой, как к своей создательнице. С Наступающим и украшай дом как положено! – он сунул мне в руки вазочку с желе и исчез.

Я потерла глаза. Вроде не сон... В груди стремительно разгорелась радость и какое-то предвкушение чуда.

– Доча, дочь... – послышался топоток маленьких ног. – А давай встретим Новый год как в моем детстве?

А наутро в изголовье кровати обнаружился целый ворох подарков.

Живые мертвецы

Я помню тот день. Он был совсем обычный. Большинство мужчин уже ушли на охоту, женщины возились с бельем, а нас, подростков – уже не мальчишек, но еще не охотников, оставили здесь. Помогать.

Я бросил еще пару дров в костер и прижал сестрѐнку поближе. В тот день я стал трусом.

Они появились внезапно. Выскочили из лесу, со стороны Большой дороги. Она вела от нас к соседям.

Повисла оглушительная тишина. Мы видели, что пришедшие злы, а одежда в крови. Что лошади взмылены, а на боках висят окровавленные мешки.

Мы видели, что здесь не будет разговоров.

Их было много. Так много, что даже, если бы все наше племя было здесь, мы бы не справились... А, может, страх затуманил мой разум? Одно мне казалось точно – все стоящие рядом со мной – «живые мертвецы». И быть таковыми нам осталось недолго.

Мысли пронеслись за секунду. Сбоку раздался воинственный клич. Все смешалось. Белые люди бросились вперед, в воздухе запахло порохом, и раздались первые стоны. Свои и чужие.

А я стоял. Стоял, не сводя глаз с главного – он так и не слез с лошади. И я видел – он тоже смотрел на меня. В этот долгий

миг я увидел, как по лицу белого человека скользнула мерзкая ухмылка, а затем он поднял своё ружье прицеливаясь...

И я побежал. Пригнулся, позорно скуля, я побежал домой. От страха сводило живот. Я понимал, что дом, родной дом, не спасет меня. Но страх был сильнее разума.

Кимэ. Вот что меня остановило. Маленькая сестрёнка, которая не понимала, что происходит. Она была дома. Мать впихнула мне её в руки и выставила вон.

Оглушенный криками, выстрелами, ничего не соображающий, я вновь побежал. В лес, далеко-далеко, где нас не найдут. Так я думал...

11

Сестренка захныкала во сне, и я поднялся. Ни припасов, ни фляги, ни ножа. Третьи сутки мы питались подножным кормом. Третьи сутки мы шли к племени Орлов.

¹¹ *Изображение от Freepik*

Но я не был готов встретить на его месте пепелище.

Чудо нужно всем

Люблю кладбища. У спящих статуй так бледны и стёрты лица, что в темноте кажутся лишь светлым пятном. Здесь тихо, особенно ночью. Да и бываю я здесь только в темное время суток, иначе рискую загреметь в психиатрическую больницу. Был, да. Мне не понравилось.

Я бреду по заросшим дорожкам, касаюсь пальцами надгробий, ожидая отклика. Некоторые могилы молчат – их обитатели нашли покой. А вот некоторые одаривают ворохом мыслей, воспоминаний и желаний. Я запоминаю и иду дальше. Таких кладбищ по всему миру у меня сотни.

Кто же я? Узнаете, как я расскажу историю полностью. А пока слушайте и знайте, что каждое существо достойно праздника, особенно такого.

Эта ночь всегда светлая. То ли звездами, то самим ощущением чуда. Они подходят осторожно. Медленно. Боязливо заглядывают в глаза и косятся на ножны с клинком. Да, меры предосторожности. Но мой наряд – красный тулуп, меховая шапка, и, конечно же, огромный мешок у ног успокаивают их.

Кому-то нужна фотография, а кому-то материальная вещь. Статуэтка, брошь, кольцо. Что-то простое, что поможет им убедиться, что их семья в безопасности. Что даст им возможно просто увидеть их. На самом деле мало надо

для успокоения души. Получив желанное, они возвращаются в свои могилы, где засыпают навсегда.

Самым тяжелым подарком была колыбельная. Я не мог исполнить это желание почти три года, пока мне не удалось записать на диктофон. Женщина пела её для второго своего ребенка. Маленький мальчик несколько ночей слушал запись, пока, наконец, не уснул счастливый.

Кто-то просит справедливости. Тем я показываю события или же отдаю копии полицейских отчетов.

Кто-то хочет тепла и объятий. Мне несложно и даже их отталкивающий запах меня не пугает.

Мешок полон эмоций, открыток, фотографий и голосов. Здесь есть все что нужно, и даже чуточку больше. Наконец, поток моих подопечных заканчивается. Лишь один последний, кажется, подросток, щуриться и улыбается мне беззубым ртом.

– Мозги?

– Да, да, я помню! – кивают я и вытаскиваю пирожное в виде мозгов. – Как и заказывал, абрикосовые.

– Благодарю, – кивает он. – Мама делала их только для меня.

– И тебе счастливого Нового года! – добродушно улыбаюсь я. – Надеюсь, мы больше не встретимся.

Так кто же я? Да-да, я Дед Мороз для зомби. Ведь каждый достоин чуда. А вы как считаете?

Падающая звезда

«Космос беспечен, бесконечен и вечен. Он завораживает своим сиянием, манит блеском звёзд и зовет за собой. И для каждого из нас в нем есть свой проводник».

Я однажды увидела падающую звезду. Она пролетела близко-близко, да так, что ее свет осветил все уголки моей детской. В тот день я не смогла выйти на улицу, потому что с утра нам надо было в больницу. Но я помахала ей из окна. Мне показалось, что она мигнула в ответ.

Два года было хорошо... Моя звезда мигала мне из окна, а я была счастлива. И мама радостно улыбалась вместе со мной. Мы веселились, играли, ходили в школу..., и я почти забыла о своей звезде.

*Память с любовью, родная, живут всегда,
Пусть ты на небе, но не забывай об этом.
Образ твой рядом со мною пройдет года,
Нежным и тёплым, чудесным и ярким светом.*

Немолодая женщина ласково провела ладонью по спутанным кудрям девочки. Голос дрожал, но колыбельная... Последняя колыбельная все также лилась из её уст.

*Там вечерами, ты также ложишься спать.
Ангелы тихо споют тебе нашу песню
И время тут же легко повернется вспять,
Снова обратно, где были с тобой мы вместе.*

Слезы крупными каплями скатывались по щекам, когда она вновь и вновь наклонялась, чтобы поцеловать дочь в холодный лоб.

*Ты улыбнёшься, и я улыбнусь в ответ,
Словно мы рядом и больше не будет боли.
Словно ни страха, ни чувства потери нет,
Есть только двое. Всего лишь, родная, двое.*

– Всегда только двое, маленькая моя, – женщина спрятала лицо в ладонях, не в силах сдержать всхлипы. – Люблю-люблю тебя.

Она появилась внезапно. В тот же вечер, что вернулся и кашель. Яркой полосой звезда мелькнула за окном и спря-

талась где-то в лесу. Я не могла усидеть на месте.

Тихо-тихо надела сапожки, курточку и шарф. Мама будет беспокоиться, если я заболею.

Мягкий свет вёл меня вглубь, подсвечивал дорожку, не давая заблудиться. Мелькал то тут, то там за поворотом. Мелькал, сиял, чтобы вывести внезапно на полянку с солнечной девочкой посередине. Она протянула мне руку и улыбнулась.

«Так вот какими бывают звёзды».

Мне не было страшно. Только немного холодно. Но когда мы побежали вперед, холод куда-то испарился. Мы бежали долго-долго и мне было впервые легко так бежать. Но даже так я быстро устала.

Но потом... Потом мы оказались на горке. Весь город был как на ладони, и сверкал яркими огоньками, как новогодняя игрушка. Словно кто-то посыпал его блесками.

12

У меня перехватило дыхание. Здесь было так красиво... Почему раньше я не смотрела по сторонам? Интересно, можно будет привести сюда маму?

Я почувствовала ладошку на плече. Грустно улыбнувшись, солнечная девочка взяла меня за руки и потянула вверх.

Нам было пора.

– Можно попрощаться? – тихо спросила я.

Она кивнула, останавливая наш полет. Крепко зажмурившись, я торопливо зашептала:

– Мамочка, не грусти, пожалуйста. Мамочка, мне не страшно и не больно. Я тебя люблю-люблю... Пока-пока? – я подняла глаза на мою звездочку. – Мы еще увидимся?

– Обязательно, милая, – она светло улыбнулась. – А теперь пойдем. Нас заждались. Ты была храброй.

«Космос беспечен, бесконечен и вечен. Тысячи звёзд освещают его, мягко мерцая во тьме. Каждая звезда – душа, каждая звезда, проводник. И каждая из них ждет своей очереди вновь вернуться, обратно на Землю.

Поэтому они мерцают, поэтому падают, не в силах сдерживать желание вновь обнять родных.

И каждая из них дождется. И в этом одна из главных тайн Вселенной. Главное – только верить и ждать»

Женщина опустила руку на живот и улыбнулась, почувствовав толчок маленькой ножки.

«Я ведь говорила, что вы встретитесь»

Чудеса случаются. Надо только верить и ждать. И не было никого, кто бы это опроверг.

Демоница и Рай

М-м-м, Ад, милый Ад. Канаты, витые из криков, кипящие котлы с грешниками и бьющий в нос запах серы. Я даже сощурилась по тебе, родимый.

Не люблю, знаете ли, когда меня тянут в Рай без моего согласия.

Ах да, я не представилась. Внучатая племянница по отцовской линии через прапра... В общем, неважно, вам и короткого хватит. Ася. Смотритель восьмого круга Ада. Ваша неверная и непокорная слуга.

В узких кругах числюсь самой жестокой, изворотливой и эгоистичной смотрительницей. У меня ужасная текучка и постоянный приток новых душ.

Гроза Ангелов и заклятый их враг. Недаром постоянно хожу с потрепанными крыльями и хвастаюсь свежими трофеями в виде беленьких перьев.

Меня боятся. Меня уважают. Ко мне приходят на поклон. Меня пророчат во властительницы! А эти крылатые мне всю систему чуть не порушили!

Им, видите ли, пришлось по нраву моя работа! И совсем было не обязательно акцентировать внимание, что именно с моей вотчины души выходят быстрее и меньше делают ошибок в дальнейшем (еще бы, я с ними столько воспитательных бесед провожу, столько уроков, жестоких, но нуж-

ных устраиваю, только попробовали бы они у меня ошибиться!).

И это из-за них, у меня начали перья цвет менять! Они, оказывается, хотели, чтобы я сама пришла (ну да, ну да, к демону на поклон не подобает первым идти). А я им все планы поломала, когда перья выдирать начала. Это больно между прочим! Зато весьма способствует упрочнению авторитета.

В общем, вытащили меня «на ковер», поставили перед фактом, быстро перекрасили перья в белый и нимб над головой водрузили. Стою я, значит, такая в черных коротеньких шортах, маечке (а в Аду жарко), на высоких шпильках (в кровь наступать не хочется, а уж во всё остальное, тем более), со своими загнутыми назад рогами (спилить не дала) – ну святая же! Свя-та-я!

Меня переодели, уложили спать, а на следующий день решили представить остальным. Попросили вести себя прилично. Ага, щаз! К народу я вышла, позвякивая цепями, в своем любимом черном мини, рассылая поцелуйчики во все стороны.

Пока народ офигевал, потом роптал, я тихонечко свой морок сотворила и свалила. Не, ну а что я здесь забыла? У меня там, мои родные грешники, бесы тоже прикормленные. А здесь все заново налаживать, да еще и морду высоконравственную делать. Тьфу!

Так что содрала я быстро нимб, перышки пообщипала да перекрасила. И пошла рассказывать историю, как в плен ме-

ня захватили, а не то засмеют, коль правду узнают! Ад, милый Ад... У меня здесь работы немерено, куда мне на Небо?

Память

Что сумел выволочь из катакомб своей памяти,
Сожги безвозвратно, дымом по ветру разнеси.
Иначе демоны твои вывернут душу полностью,
Не дав прошептать даже простое «прости».

Что рвется наружу, запри накрепко,
Замок амбарный повесь на дверь,
Иначе скроет твою душу марево,
В прошлое не стоит возвращаться, поверь.

Что сумело выжить в жутком пламени,
В душу прочно корни запусив,
Выдери своей рукой без сожаления,
На несколько минут о боли позабыв.

А затем заплачь над остатками,
Душу бережно в ладошку собери.
И живи, живи без памяти,
Ведь в твоей груди...

Пламенем сияет первозданным,
Маленькая звёздочка твоей души.

Сделай первый вдох, неуверенный,

И улыбку ты скорее натяни...

Только помни о замке на твоей памяти,

И не дай ошибкам снова в душу прорасти.

Ох, Париж...

Девушка сбежала вниз по лестнице и заглянула на кухню.

– Марта, – зашептала, привлекая внимание. – Марта!

Ну же!

Та вскинулась, стряхнула крошки с юбки и выбежала к ней.

– Ты принесла? – нетерпеливо спросила Анастасия, теребя подол.

– Да, сударыня, – служанка вытащила из передника долгожданное письмо и протянула девушке.

– Спасибо! – та радостно улыбнулась и, помахав письмом, побежала к себе. – Маман ни слова!

«Ma chérie, Анастасия.

Смею сообщить вам, что война – это ужасно. И я не понимаю, как мог поехать туда.

Мне не хватает вас. Ваших нежных рук, чудесных глаз и бархатистого смеха. Надеюсь, вы тоже по мне скучаете.

Вы писали, что вам грустно. Что здесь, в Петербурге ничего не происходит, а постоянные балы вам наскучили.

Что ж, смею вас обрадовать, что в скором времени надеюсь увидеться с вами.

Amoureux de toi,

Дмитрий»

«Ах, каков, – Настя откинулась на кровать и прижала письмо к груди. – Но мы увидимся... Увидимся!»

Счастливая улыбка осветила её лицо, девушка закрыла лицо руками и тихонько повизжала от избытка эмоций. Он пишет, что скучает, пишет, что любит, что они скоро встретятся! Что еще нужно для счастья?

Письма то пропадали, то вновь появлялись. А затем и все пропали почти на два месяца. Настя переживала, металась по дому, заламывая руки от беспокойства.

Ранен? Попал в плен? Умер? Что-что-что?!

«Лишь бы все было хорошо... Господи, где же он?»

В один из таких дней ее аккуратно позвала Марта. Выглянула из комнаты, где убиралась, и сунула в руки записку: «в саду в 18:00», написанную родным почерком.

Время до встречи пролетело быстро. Сердце билось чаще. «Господи, все ли у него хорошо? Почему так долго?» Наконец, сад. С книгой в руках, неспешно шагом, когда хочется сорваться на бег.

Он вышел из кустов, неожиданно ухватив за руку. Анастасия дернулась, а затем радостно бросилась юноше на шею.

– Вы в порядке, что случилось, я соскучилась! – затарато-

рила она.

– Все хорошо, mon cherie, – улыбнулся он, доставая из-за спины букет. – Это вам...

Вспомнив о манерах, девушка смутилась и отошла от Дмитрия, впрочем, приняв букет.

– Спасибо... Но все же, почему не было так долго писем?

Они двинулись по дорожке вглубь, Анастасия прижимала к груди букет и осторожно поглядывала на спутника из-под полуопущенных век.

– Я был в госпитале, – наконец ответил он. – Был ранен сюда, в плечо и совершенно не мог вам писать. Меня хотели вернуть на фронт, но я упрямился свиданья с вами.

– Как это мило... – хихикнула девушка, прикрываясь цветами. – Но с вами же все хорошо?

– Да, и даже лучше. Я к вам с предложением, – он наклонился ниже к заалевшему ушку. – Вы хотите увидеть Париж?

– Ах, конечно! – воскликнула Анастасия, но тут же нахмурилась. – Но у нас война с Францией, туда нельзя!

– Это бесполезная война, – отрывисто бросил парень. – У меня было много времени подумать там, в госпитале. Наполеон захватил уже множество стран, исход очевиден. Россия проиграет. Но мы... Мы... – горячо зашептал он. – Мы можем выиграть билет в лучшую жизнь! Жить там, во Франции, процветающей Франции! Я скопил небольшое состояние, и у нас будут деньги на первое время! И там нас встретят с распростертыми объятиями! У нас будет все – свобода,

деньги, власть! – он замолчал, глядя на нее лихорадочно поблескивающими в полумраке сада глазами. – Я все решил. Я уезжаю туда. И я пришел забрать тебя с собой. Что ты ответишь, любовь моя?

– Я... – растерянно ответила девушка. – Я не знаю...

– Я люблю тебя, – Дмитрий улыбнулся, и, приподняв руку девушки, поцеловал кисть. – А ты? Ты меня любишь?

– Да, конечно, – робко улыбнулась Анастасия.

– Я обещаю сделать тебя счастливой. Мы поженимся и будем жить без надзора родителей. У тебя будет все богатства Франции. Не об этом ли ты мечтала?

– Я... Об этом...

– Едем. Мечты сами собой явью не станут.

– Настасья! – раздалось громкое с другого конца сада. – Где ты, мы ждем тебя к ужину!

– Это маман, – испуганно зашептала девушка. – Я... я... Мне надо идти... – она вскочила, прижимая букет и подхватывая забытую книгу со скамьи. Растерянная и оглушенная.

– Я буду ждать тебя завтра, – Дмитрий на мгновение прижался в сладком поцелуе. – На главной площади. В шесть! – добавил он вслед торопливо уходящей девушке.

– Настасья, – окликнула её женщина у порога. – Ну сколько можно тебя ждать? И откуда букет?

– Я... Зачиталась, мама, извините. А букет слуга передал, от поклонника.

– Все хорошо? У тебя голос глухой, каким бывает только когда...

– Я не очень хорошо себя чувствую, – Анастасия бледно улыбнулась. «Хорошо. Так хорошо, что аж плохо». – Я не буду ужинать.

– Отдыхай, – смягчилась женщина. – Еще будет время поговорить.

Ночь прошла без сна. Мысли, сотни тысяч мыслей крутились в голове. Одни – о том, что её любят, что любовь взаимна, – грели её изнутри. И обещание счастья манило согласиться. Но вот... Противное, мерзкое чувство, что её счастье вывернули, использовали...

Был ли Дмитрий вообще в госпитале? Почему он решил вот так сбежать? Ведь сейчас, не ослепленной счастьем признания, ей он виделся трусом. Как можно вот так просто признать поражение? Отступить? Неужели, он просто испугался? Или он хочет счастья с ней и ради нее готов на такой поступок?

И что, что черт возьми ей выбрать?!

Отъезд был назначен на 18:30. Время поджимало, а сну-

ющие туда-обратно люди раздражали. Да где же она?!

Букет полетел на мостовую, а Дмитрий шагнул в карету.
Один.

Совершенное творение

Написан в соавторстве с Рольдой

Тихие улочки города дышали мнимым спокойствием. Было холодно, и мелкие лужицы на мостовой уже покрылись тонкой корочкой льда. Мира одернула подол своего единственного платья и вздохнула. Если сегодня ей не удастся ничего украсть, то можно будет смело идти на панель. Других вариантов уже не было, но туда не хотелось совершенно. Может, сегодня повезет...

День был неудачным. Еды не было, а у господ было не выпросить ни монетки.

– Господин! – она вновь потянула за очередной плащ, желая привлечь внимание. Если ударит, то потом может ее и пожалеют. А если удастся отвлечь, то можно и просто обокрасть. – Господи, подайте на еду! Господин!

Она снова дернула немного сутулого человека в черном кожаном плаще с заплатками, и только сейчас услышала легкое позвякивание механических частей тела. Это был один из цеха Механиков. Киборг. Он обернулся, и ее пронзил взгляд холодных, все время меняющихся систем зеркал и линз на месте глаз. Изнутри они светились зеленым огнем. Ей ответил неживой, безразличный и отдающий сталью голос:

– Ты хочешь есть?

– Н-нет, – девочка отшатнулась назад. – Извините, Господин. Я ошиблась.

Лишь бы отвернулся, лишь бы отвернулся... Она сделала еще шаг назад и вздрогнула, когда металлическая рука опустилась на плечо. Страх сковал ее, и Мира замерла испуганным субликом.

– Я дам тебе еду, – механический голос пронизывал холодом до костей. – Пойдем со мной.

Что-то несильно кольнуло Миру в плечо, и страх стал постепенно таять. Он продолжил:

– Меня зовут Карл. Меня можно не бояться. Пойдем, девочка.

Она кивнула, чувствуя, как внутри разливается спокойствие и апатия. Её же покормят? Возможно, даже дадут поспать... Где-то внутри вопил тонкий голосок страха, но и он уже затухал под действием впрыснутого препарата. Но жить хотелось, и она зажмурилась, пытаясь прийти себя.

– Я не хочу! – она попыталась дернуться. – Пустите! Иначе... Иначе я закричу.

– Спокойно, тебя никто не держит, – он убрал руку с плеча, а Мира становилась все спокойнее, – как тебя зовут?

– Мира, – отозвалась девочка, отступая на шаг.

Может все же закричать? Или сбегать? Ноги стали ватные и не слушались. Мало ли что у этого киборга в голове? О них ходили страшные байки и ей совсем не хотелось становить-

ся новым источником. Мира попыталась шагнуть еще назад, но пошатнулась, заваливаясь вперед. Киборг мгновенно подхватил своими тонкими механическими руками падающую девочку, поднял и перекинул её через плечо, зная, что она уже уснула от маленькой дозы транквилизатора.

– Приятно познакомиться, Мира, – киборг шагнул в тень подворотни и скрылся в маленьких улочках города. Мало ли, что в нем может случиться, правда же?

Ей казалось, что она дома. Под щекой ощущалась мягкая подушка, а сама девочка лежала под одеялом. Вот-вот подойдет мама, коснется плеча и позовет завтракать.

Мира потерлась щекой о подушку и с неохотой открыла глаза. Мама умерла два года назад, оставив её в полупустом хлипком доме, откуда ее прогнали буквально на следующий день. Интересно, она снова угодила в приют, или кто-то из господ приютил бродяжку и воровку?

На столе обнаружилась чашка с водой, пара яблок и еще свежая булочка хлеба. Настоящий пир! Мира торопливо вцепилась зубками в мягкий хлеб, едва не постанывая от наслаждения. Ей так давно не удавалось поесть нормально, что хлеб казался настоящим лакомством. Кончился он преступно быстро, как и яблоко. А вот второе она покрутила в руках и спрятала в небольшую сумку. Будет что поесть в следую-

щие дни.

И только отпив воды, она вспомнила, что произошло. По-перхнувшись, Мира торопливо вскочила, обшаривая взглядом комнату. Она дома у киборга! Удастся ли сбежать? Девочка подошла к окну и раздвинула шторы. Ей открылся вид на город, причем сама Мира сейчас была на большой высоте, что означало – спуститься просто так, увы, не получится. Дом находился где-то в Центральном Квартале, так как отсюда был виден Центральный Рынок, стоящий на самой большой площади города. О киборгах, конечно, ходили разные слухи, но ни один не говорил о том, что они были аристократами. Или похитивший её киборг, прислуга аристократа? Да не, бред какой-то... Какой киборг пойдет прислугой?

Мира закусила губу, судорожно размышляя. Что делать, что делать, что делать? Может покричать в окно? Так хоть внимание привлечет. Она отошла к столу и взвесила в руке тарелку. «По-моему, хватит, чтоб разбить окно». Девочка уже замахнулась, когда в дверь громко постучали. Чертыхнувшись, она уронила тарелку на ногу и тихо взвыла. Чёрт! Можно было бы спрятаться, но против киборга она, маленькая девчонка, ничего сделать не смогла. Хотя если надавить на жалость, то можно отвлечь внимание, а потом сбежать.

Мира потёрла глаза и пару раз всхлипнула, вживаясь в роль. В дверь снова постучали, в затем уверенно вошли. Девочка поступила глаза и всхлипнула.

– За что я здесь, господи-и-и-ин? Я ничего не сделала-а-

а-а...

Послышался хмык, и женский голос уверенно проговорил:

– Вас приказали отвести в гостиную.

В дверях стояла низенькая и пухлая дама в переднике с щеточкой от пыли. На голове служанки красовался скромный чепчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.